

МЕЗЕНЬ И ПИНЕГА, НОВЫЕ ДОРОГИ

2008 год, 30 июля – 12 августа

дорожное повествование

Лешуконское начало

«Очень много уголков на свете, у которых я в долгу». Строки из песни Ады Якушевой... И таких уголков у меня с каждым годом становится всё больше. Каждое место, где мне доводится бывать, чем-то обязательно цепляет, оставляет что-то своё, неповторимое... И есть среди них такие (и их совсем немного), о которых думается по-особенному радостно, куда хочется возвращаться только по одной причине: потому что нельзя не вернуться. И вот, в одно из таких мест я сейчас и направляюсь. Сегодня 30 июля 2008 года, раннее утро, рейс Архангельск – Лешуконское.

Снизу – сплошная облачность. Жалко, хотелось бы обозреть ещё раз с высоты трассу полёта. По этой трассе я летал уже трижды, но в обратном направлении: в Лешуконском я заканчивал свои маршруты. Сейчас я там, наоборот, начинаю.

Получается что-то вроде традиции: в Лешуконье я возвращаюсь чётко с периодичностью в три года. Первый раз я туда попал в 99-м, это была моя первая попытка одиночного длительного перехода, шёл я тогда вдоль реки Вашки из Республики Коми и до слияния Вашки с Мезенью у посёлка Лешуконское. Попытка замечательно удалась и открыла новые горизонты, а к местам этим я прикипел сразу и основательно. Всё сплелось воедино: и новизна открытия, и природная красота, и тихая красота простых человеческих душ... Захотелось непременно вновь посетить эти места и проделать аналогичный маршрут по реке Мезени, что я и совершил через три года, в 2002-м. Это был маршрут раза в два протяжённее, и в результате получилось необычайно яркое путешествие, насыщенное множеством встреч, знакомств, событий... Ещё через три года, в 2005-м, я пошёл по Пёзе, одному из крупнейших притоков Мезени. 12-дневного перехода показалось мало, захотелось продолжения, и я продолжил маршрут по Мезени, вверх по течению, до Лешуконского. Но тот мезенский переход получился в некотором роде в «экспресс-варианте»: я проскочил несколько нижних деревень и почти не заходил на левый берег. Левобережных селений на том участке реки не так много, но они есть, и осталась тем самым возможность вновь вернуться в эти края и пройти то, что не было пройдено. Что, собственно, я сейчас и делаю. Прошло как раз ровно три года. Генеральная задумка такая: пройти от Лешуконья вниз по Мезени, до Мезени-города по неохваченным ранее селениям, после чего перебраться на нижнюю Пинегу и там продолжить своё путешествие. А добираться с Мезени на Пинегу с недавнего времени стало очень просто: достроили наконец-то автомобильную дорогу, их связывающую.

Облачный слой удалось пробить только у самой земли. Показались вдруг снизу верхушки ёлок, и они уже так близко! Дорога тут же тянется, та, что на Ущелье, за ней большая река – Мезень, – а вот и стрелка с Вашкой. Всё мелькает очень быстро, вот уже полуса, касание, реверс винтов, торможение. Прибыли. Выруливаем к зданию аэропорта. Ну, здравствуй, Лешуконье! Вот, я снова к тебе.

От аэропорта направо по дороге, краем посёлка, до конца и опять направо, в Мелосполье. За прошлые визиты у меня здесь завязались хорошие знакомства, и там, в Мелосполье, живут Лена с Сергеем. У них мне надо застолбиться на одну ночь, а завтра утром двинуться уже непосредственно по маршруту. Вот спуск в овраг, и впереди внизу становится видна мелоспольская дорога. Маленькая одинокая фигурка по ней движется вдаль, будто мальчик-подросток. Остановилась. Кажется, смотрит на меня под рюкзаком. Неужели?.. Точно, ведь это она, Лена! Бурная и радостная встреча, всё в порядке, все на месте. Сергей на работе, у него постоянная работа (что большая удача для этих мест), Лена

сейчас тоже работает – в больнице, – правда, временно: подменяет приятельницу, ушедшую в декрет. Женька, сын, в армии, где-то под Питером, в хорошей части, без всякой дедовщины, выучился на радиста. В общем, за всех можно только порадоваться.

В самом посёлке тоже наметились кое-какие положительные сдвиги. Основное событие – недавний приезд нового архангельского губернатора. Когда такое было последний раз, никто уже и не помнит. Увидел всё, как есть, своими глазами, кому-то вставил втык, где-то распорядился, что-то выделил – и дела начали делаться. Определил три приоритета развития края: замкнуть Лешуконье в единую энергосеть с Архангельском, построить два лесозавода (а то лес здесь уже начал переставаться) и построить ещё одну дорогу с Пинеги до Лешуконья, с выходом на Вашку (через Широкое – Усть-Чуласу). Но это всё пока на уровне проектов, а вот что реально: достроена наконец-то в посёлке новая школа! Строили её лет 15. Вернее, не строили. Просто всё это время стоял заросший травой кирпичный остров. Хорошо его помню по прошлым своим приездам, каждый раз одна и та же картина. А сейчас и не узнать: стоит красивое двухэтажное здание, обнесённое забором, люди у него активно копошатся (в основном южной и восточной наружности), доделывают внутри и благоустраивают территорию – к первому сентября надо сдать под ключ.

Про школу мне увлечённо рассказывает Лена, проводит что-то вроде экскурсии, ходим с ней по посёлку. Она сегодня с ночного дежурства, день свободный. В центре в овражке у магазинов установлен новый крест. А вот место, где мы с ней 9 лет назад познакомились – лешуконский храм, бывший в то время клубом. Сейчас он передан церкви, и идут восстановительные работы, внутри работает бригада. Батюшка хочет воссоздать первоначальный вид. Уже устроена солея, сейчас отделяют потолок-свод.

Нельзя было, разумеется, не дойти и до Рвов, моего любимого места, откуда открывается самый красивый вид на вашкинско-мезенскую стрелку. Слева овраг с дорогой, ведущей к паромной пристани, у причала стоят два парома. Это уже нечто новое, паром здесь всегда был один, ходил два раза в день. О причине догадаться нетрудно: дорогу до Пинеги, а значит и до Архангельска, достроили, и, естественно, пошёл поток машин, потребовалась более интенсивная работа переправы. И паромов здесь теперь три, каждый работает по своему расписанию.

А с дорогой этой история была длинная и тягостная. Достроить её не могли лет 5. Спрямаляли с Пинеги зимник, а места там сильно болотистые, и одно из тех болот оказалось очень глубоким, его никак не могли засыпать. Потом, как это часто бывает, кончились деньги и прикрыли финансирование. Однако в последние год-два работы были интенсивно возобновлены (вероятно, стараниями нового руководства области), и болота начали засыпаться по новой технологии: в зимнее морозное время снимался весь болотистый слой до материкового основания (траншея была, рассказывают, глубочайшая, вся техника в неё уходила полностью), после чего производилась засыпка. И вот, уже в прошлом году по ней пошли машины. Пару месяцев назад, в начале июня, произошёл, правда, небольшой сбой: паводком вымыло одну из труб, но всё было очень быстро отремонтировано, и поток машин возобновился. Официально дорога ещё не открыта, открытие намечено на осень, но архангельские маршрутки по ней уже активно ходят, и до Лешуконского, и до Мезени.

Вот тоже интересный момент: недавно тут появился один экскурсионный маршрут. В Иудину пустынь, что в районе деревни Конещелье, – место, где жил и молитвенно подвизался инок-пустынный Иуда (предположительно один из братии упразднённого Ущельского монастыря). И местный народ охотно туда ездит, а Женька, сын Лены, работал некоторое время на этом маршруте экскурсоводом.

Есть ещё одно место, куда сегодня надо обязательно зайти. Редакция районной газеты «Звезда». Та самая, в которой печатались мои записки о путешествиях по Вашке и Мезени. Я им посылал рассказ и про Пёзу, но интернет-почта, как выясняется, дала сбой, и текст не дошёл. Они его раскопали в сети сами и как раз именно сейчас печатают. В этот раз мне довелось познакомиться с самым главным редактором Ольгой Ивановной, приятная молодая женщина, очень хорошо побеседовали. Тут, оказывается, книжки интересные выходят про Лешуконье. Анатолий Новиков выпустил свой новый толстый труд «Деревни Лешуконья», с описанием каждого населённого пункта по Лешуконскому району. Эта книга – продолжение серии его прошлых изданий, посвящённых истории края, родословиям его жителей. Ещё вышел сборник репродукций акварелей местного художника П. Лешукова, на которых запечатлены селения, уже мне знакомые по прошлым путеше-

ствиям. Но, будучи изображены в красках и на бумаге, они воспринимаются как-то совершенно по-особенному... А номер журнала «Слово» с публикацией о селе Кимже Ольга Ивановна мне просто подарила.

9 лет назад, когда мы только познакомились с Леной, она среди прочего повела меня ещё и к своим сородичам: «Посмотришь, как тут люди живут». И в этот раз заглянули мы с ней к её старшей сестре Лидии. 9 лет – срок, в общем-то, немалый, настроение и ощущение уже несколько другие, но некий отблеск тех августовских дней 99-го пронизывает, тем не менее, все эти года, тянется ниточка...

Итак, путешествие моё началось достаточно интенсивно: по Лешуконскому меня сегодня водили весь день. Сергей потом пришёл с работы, пошли все втроём – к мелоспольскому кресту (там сейчас рядом стоит ещё один, маленький) и дальше, через поля и овраг. Посёлок, собственно, уже закончился, но стоят там в лесу ещё два дома, в районе старой фермы, ныне, естественно, заброшенной. Подобных сельхозсооружений, оставленных на произвол дождей и ветров, я уже повидал немало, но всё равно каждый раз такая картина удручает по-новому. Пытаешься представить, как тут бывало раньше: гоняли скотину, люди ходили, что-то делали, подвозились корма...

А под вечер неплохо бы сходить куда-нибудь и в одиночку, наедине с природой и своими мыслями. Вдоль Вашки, по щелье, найти ещё один новый крест на угоре, возле больничного городка, взобраться туда по обрыву... Всё хорошо, вот только опять не удалось полноценно заснять мою любимую вашкинско-мезенскую стрелку. Всё по той же причине: кадр против солнца, и изящно изогнутая красная щелья по Вашке остаётся в тени. Освещена она только рано утром, но уж очень далеко туда идти. Сергей обещал завтра подкинуть на мотоцикле.

А утром опять незадача: туман. Заводить мотоцикл не имеет смысла. Что ж, зато можно встать попозже, собраться не спеша. Мой автобус в половине 9-го, отправление от центра.

Юрома и Тиглява. В условиях затяжных дождей

Ещё одно местное новшество: автобус пустили от Лешуконского прямо до Мезенигорода, с заездом во все деревни. Мне для начала недалеко, до Юромы, там осталась одна деревня с деревянной церковью, в которой я в прошлый раз не побывал. Деревня Тиглява, на противоположном от Юромы берегу. На остановке стоит народ, многие с вёдрами, с коробами – за морошкой, её здесь в этом году очень много. А вот группа молодых людей явно не местных: человек 6, с рюкзаками, с пенками, некоторые по виду ещё как школьники. Но на туристов не похожи. Вот запели что-то между собой, что-то такое народное, типа: «Мы сидели, пили чай, муж приехал невзначай». Ольга Ивановна вчера в редакции говорила, что здесь сейчас находится фольклорная экспедиция из Москвы, похоже, это они и есть. Одна девчонка повзрослее, видимо, она у них за старшую. На переправе разговаривались, познакомились. Девушку зовут Юля, она из музыкального колледжа при консерватории, от этого колледжа, собственно, и основной состав экспедиции. Это у них малая группа, направляются они сейчас в Палугу, ещё одна группа уехала в Кебу.

В Юрому прибыли часов в 11. Здесь я три года назад уже был, осталась одна «зацепка» – председатель Иван Леонидович Радюшин. Он и поныне председательствует, поэтому первым делом сразу к нему, в сельсовет.

Поначалу пришлось подождать, Иван Леонидович занят. У него сейчас поверка, инспекция жилого фонда, поверяющая из Архангельска. Пока ждал, начался дождь, не столь сильный, сколь долгий. Что делать, погоду выбирать не приходится, идти в Тигляву надо. Иван Леонидович как освободился, быстро организовал переправу на тот берег, а дальше надо найти луговую дорогу и пройти километра 4 вниз по течению, под моросящим дождём, в броднях и накидке. Шёл около часа, деревня – десятка три домов, вытянулись дугой под холмами, за двумя протоками. На склоне холма, возвышаясь над всеми постройками, стоит деревянная церковь. Без глав, без завершений, но видимых разрушений нет. Хорошо она, наверное, раньше смотрелась, в комплексе со всеми домами – как пастырь и овцы...

А приятная деревушка, мне нравится. Уличная планировка, ряды домов ориентированы друг на друга. Вот один интересный уголок: два дома-пятистенка с конями на охлупнях, стоят друг к другу под прямым углом, и колодец-журавль. Надо заснять. Дождь

между тем продолжает моросить, иногда затихает, но вскоре начинается снова. Людей никого, все сидят по домам.

– А вы на этот холм подымитесь, с него красивый вид. И с того холма тоже можно снимать.

Женский голос из ближайшего окна.

– А мы вас видели, вы вон оттуда шли.

Да уж. Народа не видать, но о моём появлении уже наверняка все знают.

– Заходите потом чай пить.

Спасибо. По такой погоде согреться было бы очень кстати. По первости такое немножко непривычно, хотя всё это уже вполне знакомо и узнаваемо. Вот она, моя Мезень. Греет даже в дождь.

Однако сначала всё же надо обойти деревню. Вот крест между домами. Резной, с отлетевшей половинкой кровли, от дождя ещё более почерневший, но сохранивший остатки раскраски. Внизу, под изображением главы Адама вырезана дата: «1932 г. июня 21». Интересно здесь на крестах изображают главу Адама: просто круг с чертами лица (глазами, носом, ртом), будто лик солнца, масленичный символ. Отголоски языческой веры...

Сверху, на вершине холма стоит ветряк-мачта с пропеллером, провода от неё отходят, прячутся в металлических шкафах. Неудачная попытка поставить здесь ветровую электростанцию. Вид отсюда открывается великолепный, мешает только дождливая пелена. Даже не просматриваются деревни на том берегу. Угадываются только по ландшафтным признакам и старой памяти, три года назад я их все обошёл. Вон та, самая дальняя, перед высоким холмом – Юрома, ближе – Некрасово, Защелье, в другую сторону по реке – Екатерина...

К церкви пробираться приходится сквозь мокрую высокую траву. Она поздняя, стандартного проекта: четверик под четырёхскатной кровлей, пятигранный алтарь, небольшая трапезная, колокольня над входом «восьмерик на четверике», ярус звона утрачен. Внутри довольно прилично, ничто не рушится, храм вполне можно было бы восстановить.

Церковь эту здесь почему-то называют часовней. Освящена она предположительно во имя святителя Николая (хозяева не вполне уверены). Престольные праздники – Никола зимний (19 декабря) и Богородицын день, 10 августа (Смоленская икона). Ещё была часовня в лесу, сейчас там крест, и к нему продолжают ходить (называется «на пагой»). Это я уже сижу за столом в том самом доме. Хозяева – Андрей Михайлович, Александра Фёдоровна и дочка Марина, десятиклассница. Андрей Михайлович – школьный учитель (английский язык, история), живут они в Лешуконском, здесь у них как дача, родительский дом Александры Фёдоровны. Вообще, в деревне в основном дачники, постоянно живут только четыре человека. Хозяйка восторженно рассказывает: буквально позавчера перевернула доску, которой всегда закрывали ящики с мукой, а это оказалась икона! Святитель Николай. Укая и высокая, с полукруглым верхом, похоже, что с церковного иконостаса.

«Чай» в этих местах зачастую означает полноценный обед, и этот раз не был исключением. Разговоры тоже вполне традиционные: обязательные воспоминания о былых временах, когда здесь был колхоз, мощное хозяйство, ферма, маслобойня. Была цепочка деревень и по этому берегу, от одной из них, Едомы, ещё стоят два дома (заметил потом на обратном пути). А ещё в этом доме очень интересная мебель ручной работы: вся резная, точёная, раскрашенная в разные цвета. Стол, скамьи, стулья, кровать. Это работа отца Александры Фёдоровны, он был великолепный мастер по дереву, Фёдор Михайлович Титов. Действительно, такое приходится видеть не часто...

Насчёт обратной переправы с Иваном Леонидовичем была договорённость, что я выйду на берег напротив его дома, и он меня увидит. Ждать пришлось недолго, минут 10. Пасмурно и ветрено, это лето здесь вообще очень холодное, в июле только с неделю стояла жара... Всё поспекает на две недели позже, даже иван-чай ещё не до конца расцвёл. Времени 7 часов вечера, идти уже никуда больше не хочется, лучше посидеть в тёплом доме у Ивана Леонидовича (на ночь он меня, как и предполагалось, определил к себе), с местным народом, зашедшим к председателю «на огонёк», поговорить о здешней жизни. А настроение у людей сейчас, надо заметить, более оптимистичное, чем раньше. Все сходятся на том, что самые тяжкие времена, кажется, прошли, и хотя с занятостью населения по-прежнему большая проблема, есть некоторые варианты. В Юrome, например, собираются строить реабилитационный центр и интернат для престарелых. А в Березнике

до сих пор работает совхозная бригада – как и 3 года, и 6 лет назад. Хотя в прошлый мой приезд её будущее было под вопросом: свою продукцию они поставляли в основном на молочную кухню в Лешуконском, а молочная кухня закрылась. Но ничего, выстояли. Там всё держит в своих руках местный предприниматель по фамилии Легостаев. Губернатор, когда здесь был, с ним встречался и, как говорят, всячески восторгался, обещал всевозможную помощь для расширения производства.

Времени уже 10 часов, но всё-таки хочется взобраться на тот самый высокий холм с обрывом у реки. В прошлый раз я до него так и не дошёл, хотя он здесь совсем рядом, буквально через дом. Есть некоторая усталость, но манит какой-то магнетической силой. Фотографировать уже поздно, но хотя бы выбрать точку. А утром встать пораньше, взобраться снова и сделать несколько кадров. Погода, кажется, немного развиднелась, облачность начала разрываться. А потом спуститься с холма с другой стороны и дойти до деревни Бугавы, которую я в прошлый раз проскочил, проехал мимо на лодке. Деревушка небольшая, имеется крест высотой в два человеческих роста.

Из Юромы неплохо бы выйти часов в 9. Следующий пункт – деревня Азаполье, тоже на том берегу, попадание через Целегору. Это уже соседний, Мезенский район, предстоит преодолеть проблемный межрайонный участок. Хотя сейчас, когда пустили дорогу на Архангельск, может он уже и не такой проблемный? В любом случае вариант один: автобусов сегодня нет, надо выходить на основную трассу и стопить.

Азаполье

Дорога пустынна, никого нет. От Лешуконского машины здесь ходят «волнами» – с переправы. Волна с 8-часового парома, видимо, прошла, надо теперь ждать с 9-часового.

Ждать пришлось минут 50. Вот пошли машины, и сразу же застопился микроавтобус типа «Газели». Внутри шестеро, молодые ребята и один постарше – бригада из Архангельска, делали в новой лешуконской школе систему вентиляции. Сейчас всё закончили, возвращаются обратно.

Полчаса езды, и я высаживаюсь у поворота на Целегору. Времени 11 часов, до деревни около километра, этот участок знакомый, здесь я уже ходил. Дойти несложно, вопрос, как перебраться в Азаполье? По привычке первым делом к сельсовету, там, помнится, крыльцо со скамеечкой, можно скинуть рюкзак и налегке разведать обстановку.

Ситуация конкретизировалась достаточно быстро. В 12 из Азаполя должен приехать за почтой Александр Евгеньевич Юдин, и с ним можно будет уехать. А председатель Михаил Максимович подсказал мне и вариант «вписки» на ночь: братья Казаковы, Александр Иванович и Иван Иванович. Они и перевозкой занимаются, и жильё сдают.

Александр Евгеньевич подъехал ровно в 12, как по часам. Лодка у него большая, по пути ещё причаливали у Мелогоры, там ждала машина с товаром для магазина. Всего от Целегоры до Азаполя километров 5 вверх по течению, а там уже ждёт трактор с телегой-прицепом, молодёжь наверху: «эй, давай, причаливай!» Погрузка идёт непосредственно с воды, весело, с шутками.

Ну вот я и в деревне. Для начала рюкзак бросить куда-нибудь под крышу (на случай возможного дождя), хотя бы сюда, на крыльцо магазина, и сразу же обратно, к месту, где причалили. Там ещё издали показался на взгорке огромный крест... А их тут, оказывается, два: второй поменьше. Тот, который поменьше, недавний, с надписью: «Сей крест обетный воздвигнут в 1996 году в честь 400-летия д. Азаполье. Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь». А большой – он самый интересный. Старинный, резной, высотой метров 5. Видно, что реставрирован, основание и нижняя скошенная перекаладина новые, новая кровля. Интереснее всего резьба. На передней, западной стороне – традиционная: на самом вершине ИИЦ (Иисус Назорей Царь иудейский), малая верхняя перекаладина: в центре «Сущий Отче наш», по краям «Царь славы», между большой и малой перекаладинами «Сын Божий» (все эти надписи сокращённо, с титулами, старинным письмом); на большой перекаладине в центре «Кресту Твоему поклоняемся, Владыко, и святое Воскресение Твое славим», по краям сокращённо «Иисус Христос»; на столбе под большой перекаладиной: КТ (копие, трость – орудия страданий Спасителя), НИКА (победа), а ниже неканонические надписи, но распространённые в этих местах: ЕОЧК (Его Образ чтит каждый), ППГГ (не расшифровано), ДДДД (Древо дарует древнее достояние), СССС (Спас, сотвори сеть сатане), ББББ (бич Божий бьет бесы), ЦЦЦЦ (один из вариантов – цветы церковни

цвет церкви), XXXX (хоругви Христовы – хвала христианам). Подобная резьба на мезенских крестах встречается регулярно, здесь же самое примечательное то, что резьба имеется не только на западной грани столба, но и на всех остальных. На южной грани (с продолжением на восточной) молитва Кресту «Да воскреснет Бог» (каноническая, есть во всех молитвословах), а на северной другая молитва, которую я ещё нигде не встречал: «Кресте Господень, помогай мы со Пресвятою Госпожою Богородицею и со всеми святыми небесными силами всегда и ныне и присно и во веки веков, аминь».

Возле крестов живописно располагаются несколько симпатичных амбарчиков, один из них особенно примечательный, двухэтажный, с безгвоздевой кровлей на курицах-потоках. Здесь же стоит длинное обезображенное здание, покрашенное в коричневый цвет, на котором, тем не менее, угадывается членение церковных объёмов.

Надо, однако, как-то здесь определяться. У Казаковых никого нет дома – палка у двери. Говорят, ушли в лес. А это может быть надолго. Остаётся пока одно: ходить, смотреть, общаться с народом. В книжке М. И. Мильчика «По берегам Пинеги и Мезени» (из «жёлтой» серии) сказано, что Азаполье – это край деревянных мельниц, есть фотографии. Но книжка эта вышла в далёком 1971 году, и сейчас ни одной мельницы я здесь что-то не вижу. Есть зато несколько «амбарных городков», где они стоят, тесно-тесно прижавшись друг к другу, в большом или малом количестве. Такие городки традиционны для Пинеги, а на Мезени редкость.

В 1934 году здесь был большой пожар, выгорело две трети деревни. Это и видно: дальняя, верхняя по течению часть деревни вся новая. В местном магазинчике, к моему приятному удивлению, довольно приличный ассортимент. Три года назад по всему району на магазинных прилавках было крайне скудно. И вот ещё нечто ностальгически-согревающее. Каким-то образом сохранившийся раздолбанный стенд с надписью: «Социалистические обязательства правления № 1 совхоза «Мирный» на 1983 г.» Отзвук былых времён, не самых худших... По словам местных жителей, наибольший расцвет здесь был в 70-е годы.

Из разговоров с народом удалось прояснить кое-какие детали. Мельниц здесь не осталось ни одной, все увезли в Малые Корелы, в музей деревянного зодчества. На тот момент их оставалось 5 штук, все были в рабочем состоянии, могли использоваться по своему назначению. Церковь раньше была другая, её разобрали и перевезли на тот берег, в Черсову (видел её три года назад), а здесь построили эту, в ней сейчас ДК. Рядом ещё стояла часовня. А кроме того старого креста на берегу есть ещё два, в лесу. Иван, тракторист, который встречал нашу лодку, свозил меня на тракторе к одному из них, ближнему, он тут совсем неподалёку, только поле переехать (второй от деревни километрах в трёх). Интересный крест, старинный, аккуратный, огороженный, видно, что почитаемый. На такие кресты обычно вешают свои одеяния, здесь же для одеяний устроено специальное вместилище, ящик с крышей и дверцей.

Ещё в деревне жил один мужичок, делал глиняные, как их здесь называют, кринки (увеличенного размера блюда), ладки (чуть побольше, продолговатые, для запекания рыбы), но он совсем недавно умер. А вообще, что касается народных промыслов, то они тут, по словам Ивана, сейчас непопулярны, сейчас главное деньги: побыстрее сделать, подороже продать. А народные ремёсла требуют времени и старания... В деревне есть народный хор, завтра он должен выступать, завтра здесь престольный (или, как тут говорят, съезжий) праздник, Ильин день, 2 августа.

Иван напоил меня чаем, после чего сходил я ещё к одному кресту, он виден из деревни, стоит на соседнем холме, над детским лагерем. По виду из недавних, но стоит красиво. Время между тем близится к вечеру, 7-й час, надо бы снова заглянуть к Казаковым. Палки у двери уже нет, дома Иван Иванович. На ночь устроиться можно – в доме Александра Ивановича. Сам он ещё в лесах, будет поздно, но ключ Иван Иванович мне дал.

Дом вполне приличный, совсем новый, до конца ещё не доделан, но жить можно. Александр Иванович вернулся только в 11-м часу, познакомились, поговорили. Сам он работает в лесхозе, дом этот строит для себя, а пока пускает в него на постой. Деревня эта, как выясняется, пользуется популярностью, и сюда часто приезжает народ всякий разный: студенты, филологи, фольклористы. Рассказал мне историю и про основной азапольский крест. Его, оказывается, лет 20 назад срубили, после чего лет 10 он там так и лежал на земле. Потом Александр Иванович с ещё двумя мужиками восстанавливали его обратно.

Завтра утром мне надо двигаться дальше, Александр Иванович обещал перевезти. Автобус от Целегоры до Мезени уходит в 6 часов утра (в магазине висит расписание), это для меня очень рано. Уж лучше стопить на трассе. Насчёт перевоза договорились на половину 9-го.

Утром всё как договаривались, в 9 часов я уже был в Мелогоре. Только перевоз и проживание на этот раз уже платные. Что ж, люди этим живут. Цены, впрочем, по городским меркам, вполне сносные.

Мне от берега по овражку, до деревни, мимо знакомого дома, где ночевал три года назад, и дальше к Целегоре и на основную дорогу.

Печище и Кильца. Левобережный переход

Так пока получается, что обходя деревни на левом берегу, передвигаюсь я между ними всё же по правому. Это вполне естественно: основная проезжая дорога идёт правым берегом. Однако дальше мне предстоит чисто левобережный участок: деревня Печище, от неё в паре километров Кильца, и дальше километров на 12 переход до Кимжи. Как написано в книжке Г. П. Гунна «Две реки – два рассказа», дорога там есть, луговая, пройти можно. Сейчас мне для начала до Козьмогородского, 25 километров по дороге, Печище от него напротив, через реку.

Что-то с автостопом сегодня тяжеловато. Стою уже час, машины проезжают мимо, никто не подбирает. Вот остановилась легковушка встречного направления. Водитель – молодой парень, сказал, что просто здесь катается и меня бы довёз, но так далеко не поедет. Странноватое, однако, представление о здешних расстояниях. 25 километров – это далеко? Через некоторое время едет обратно. Ладно, говорит, садитесь, довезу. По дороге разговорились, парня зовут Михаил, сам с Ярославля, в данный момент живёт в Мезени. Оставил ему адрес сайта, где размещены все мои дорожные записки.

Козьмогородское стоит на основной дороге, сворачивать никуда не надо. Только подъехали – пошёл дождь. С погодой в этот раз явно не везёт. Всё время холодно, пасмурно и дождливо. И по прогнозам так будет ещё как минимум неделю. Хлеб у меня заканчивается, а в местном магазине его продают только по записи (возят из Целегоры), делать, стало быть, здесь нечего, надо переправляться. Пока только непонятно, как. Сегодня суббота, сельсовет не работает. Председателя Виктора Александровича, которого знаю по прошлому разу, нет дома. Вообще, перевозом здесь занимается, как мне подсказали, Сергей Власов, но его тоже дома нет. Выручил его сосед, Андрей. Ситуация наконец-то разрешилась, стал замечать природу вокруг себя. Вот, удивительная картина снизу от воды: высокая красная щелья, поросшая сиреневым вереском. Длинный остров на реке, отделяющий противоположный берег, надо его огибать. Мелкая перемычка в одном месте, с трудом её преодолели. Песчаный левый берег, деревня в стороне, на взгорке.

Небольшая деревушка, в одну улицу, десятка два домов, и ещё пара стоит особняком, за ручьём. Вот высокий добротный дом, двухэтажный, с ажурными наличниками и взвозом. Перед фасадом за оградой огромный крест, резьба по всем граням, снизу дата – 1914 год. Вот ещё один дом со взвозом, мужики на повети тусуются. Подозвали: кто такой, откуда? Показали мне ещё один крест, упавший, он тут рядом. Собираются восстанавливать его обратно. Тоже интересный, старинный, резной. Самое примечательное – что на большой перекладине резьба есть даже на нижней грани, молитва «Да воскреснет Бог». А ещё, как сказали мужики, есть здесь один крест в лесу и ещё один где-то на полях.

Но к тем крестам я уже не пойду, времени половина 4-го, надо идти дальше, в Кильцу. Расстояние километра полтора, подошёл в начале 5-го. А мне здесь нравится, статная деревня. Дома стоят в три порядка, озадками к реке. До реки здесь, впрочем, далековато, деревня стоит на отдалённой сухой протоке. И странная вещь: когда был в Лешуконье, там говорили, что вода в реке в этом году хорошая, высокая, а здесь, ниже по течению, почему-то наоборот, низкая («сухая», как здесь говорят). Протяжённость деревни около километра, примерно посередине основную улицу пересекает овражек, на склоне которого стоит массивное деревянное здание без окон – старинный склад (впоследствии колхозный амбар). Вообще, отраднo, что по здешним деревням сохранилось немало старинных элементов: резные консоли, наличники, причелины, кони на охлупнях, «полотенца» под ними, регулярно встречаются дома с тесовой кровлей на курицах-потоках. Здесь в Кильце есть дома с выпусками брёвен на фронте (пара брёвен-консолей, как бы основа для

балкона); один есть дом и с настоящим балкончиком, круглым, небольшим, но окна в этом доме заколочены, он нежилой. Вот крылечко симпатичное: подгнутой кровлей и со скруглёнными боковинами-откосами, на городской манер. Амбарчик интересный, с нависающей частью над входом.

Однако самое примечательное в этой деревне – это громадный старинный обетный крест. Из всех мезенских крестов он, пожалуй, самый внушительный по размерам. Стоит он за порядками домов, на склоне овражка, спускающегося от деревни к сухой протоке. Впечатляет своей статью. Высотой он метров 7, под двускатной кровлей, весь в резьбе, все четыре грани столба. Передняя традиционная, на южной и восточной, как и на азапольском кресте, молитва «Да воскреснет Бог», а на северной уже иная молитва, не как в Азаполье. Интересно, что по краям большой перекладки изображены лики – круги с чертами лица. Подобные лики были и на упавшем кресте в Печище. Рядом с крестом небольшой столбик с нишей, там когда-то была икона.

Времени между тем уже 6-й час, дело близится к вечеру. У меня здесь предполагается ночёвка, а завтра – переход до Кимжи. Какие варианты? А вариантов пока нет, никаких зацепок... А вот что это за дом такой? Явно общественного назначения. И внутри кто-то есть. Надо заглянуть... Это же библиотека! И дальше всё пошло на уровне подсознания: вот это именно то, что нужно. И только потом вспомнилось, что варианты с библиотеками на моих Трассах уже бывали. Уже не помню, с чего начал разговор, «процесс пошёл» на «автопилоте». В библиотеке ремонт, книги стопками на полу. Библиотекарша живёт в доме напротив, в том самом, при котором амбарчик с нависающим верхом. Дом огромный, старинный, двухэтажный, вход по взвозу, обширнейшая поветь. Мужа зовут Василий, саму библиотекаршу Елена. Василий помогает жене с ремонтом в библиотеке. Простые люди, незатейливый быт, по-мезенски доброжелательный настрой. И знакомство с селом уже отчасти изнутри. Постоянных жителей здесь около 50 человек, кроме библиотеки есть магазин, радиоузел. Съезжие праздники – Казанская (4 ноября) и Сретение (15 февраля). В лесу стоит ещё один крест, а в деревне есть часовня, вернее, здание старой часовни, переделанное. Перевезли её из Березника и устроили в ней пекарню. Что касается дороги до Кимжи, то здесь не совсем всё просто. По дороге этой сейчас почти никто не ходит, а идёт она пойменными низинными лугами, и там, естественно, всё заросло. Кроме того, имеются два водных препятствия: здесь у деревни речка Кильца (но её перейти можно), а километров через 7 – промой (протока из озера), и какая сейчас там вода неизвестно. Если высокая, то её не перейти даже в броднях. Пару недель назад была «коню по брюхо». Вот это уже нехорошо. Сразу вспомнилась речка Пёза трёхлетней давности и её приток Нижняя Айпа, которую перейти тогда я так и не смог. Пришлось даже возвращаться обратно, без дороги, под рюкзаком, по мокрой высокой траве, 5 километров прошагал впустую...

Впрочем, идти завтра всё равно надо, других вариантов нет, и там уже разбираться на месте. А сейчас, когда вопрос с ночёвкой решён и ещё не поздно, можно ещё раз пройтись по деревне, дойти до дальнего конца и попробовать разведать обстановку насчёт завтрашней дороги.

Вот она, часовня-пекарня. Небольшой домик под двускатной крышей с пристройкой такой же формы, только меньших размеров. Пристройка эта, говорят, к часовне не относится (сделана позже), но смотрится она будто притвор или алтарная часть. Однако и без неё здание по своим очертаниям и пропорциям явно выделяется среди прочих сооружений и наводит на мысль, что это не просто хозяйственная постройка.

Когда я три года назад путешествовал в этих краях, то в деревне Погорелец мне показывали совершенно умильную вещь – детскую избушку. Такая дощатая будочка примерно метр на полтора, с окошком и дверцей, а внутри воссоздана домашняя обстановка: столик на всю длину, лавочки по бокам, полочки на стенах, какая-то утварь, посуда. Чтобы детишки играли. Жалею, что тогда её не заснял. Но здесь, мне сказали, тоже есть такая, у дальнего конца деревни. Вот она! Только вид уже не совсем тот, здесь она покрашена. А так всё то же самое. Сейчас её надо заснять и снаружи, и внутри.

А вот идёт что-то похожее на завтрашнюю дорогу. Спускается с холма от деревни и идёт в нужном направлении. Пройти что ли по ней, минут хотя бы 15-20... Под холмом сырая низинка, и дальше дорога пошла по лугам, две колеи, всё пока однозначно. Через километр-полтора, на пути возникает какая-то протока шириной метров 6-7, дорога её пересекает вброд. У берега лежит некое изделие, народное изобретение, гениальное в сво-

ей простоте. Плот из пластиковых бутылок. Много я уже встречал способов их применения, но такого видеть ещё не доводилось. А всё элементарно: из досок сколачивается плоский короб и плотно набивается пустыми пластиковыми бутылками, наглухо завинченными. Легко и надёжно.

Протока неглубокая, в броднях переходится без особого труда. Дорога продолжается дальше, но вскоре начинает вести себя странно: резко заворачивает влево, огибает поле... Василий потом объяснил, что это не та дорога, а то, что я принял за протоку, на самом деле речка Кильца, и переходить её нужно совсем в другом месте, гораздо ближе к деревне. Утром он меня туда проводил, поставил на дорогу, назвал основные вехи на пути.

Времени начало 9-го, до Кимжи реальное расстояние километров 13-14. Дорога идёт вдоль берега Мезени, то приближаясь к нему, то снова удаляясь. Дорожные колеи сначала отчётливо просматривались, но потом начали периодически исчезать. В некоторых местах приходится идти исключительно по наитию: колеи там полностью заросли и обозначены лишь линиями сиреневатых венчиков травы. Или «коридором» между белыми цветами таволги.

Примерно через час хода, как и говорил Василий, поперёк пути возникает низенькая деревянная ограда. Осталась от колхозных времён, разграничение пастбищ-сенокосов. Отделяет кильцевские поля от петровских. Это значит 5 километров пройдено, можно сделать небольшой отдых.

Ещё минут 20 хода, и на противоположном берегу вдалеке показалось большое селение. Либо Петрова, либо Жердь... Нет, всё-таки Петрова, вон ближе вижу Жукову, в один дом. Три года назад я там шёл в обратном направлении, сначала деревнями, потом берегом: вон в том месте у Жуковы я спустился вниз к реке и пошёл по щелье...

А вот и тот самый промой. 7 километров от Кильцы, половина пути. Что ж, совсем не так всё страшно. Вода упала, вполне проходимо. Речка Кильца и то шире раза в два. Комарья только сразу налетело – немерено!..

После промоя дорога снова через поля, вот пошли справа и слева озёра-старицы, которые упоминаются в книжке Гунна, снова полями-лугами, и вот дорога резко выворачивает влево, пересекает ручей по заросшему старому мостику и круто поднимается в гору, в лес, на коренной берег, становится лесной, песчаной и однозначной. Это уже кимженские места, мужик-ягодник идёт навстречу, с собакой. Здесь можно отдохнуть более основательно, подкрепить силы...

Лесом идти как-то веселее. Остаётся уже немного. Вот смычка дорог: слева подходит другая такая же. Вот ещё одна такая смычка. Если идти в обратном направлении, не зная пути, можно элементарно заблудиться. А вот и новая архангельская дорога, моя лесная её пересекает. Направо – к переправе через Мезень, налево – спуск к речке Кимже. Ещё минут 10 по лесу, и дорога выходит на поля, за которыми уже виднеется деревня Кимжа с деревянной Одигитриевской церковью.

Кимжа, спустя три года

А с церковью за это время что-то происходило. Она теперь вся в строительных лесах, и вход в неё огорожен глухим забором, ещё не успевшим почернеть. Самих строителей, впрочем, не видно... Иду знакомой основной улицей, вот коричневый гостевой дом, где я жил в прошлый раз. Заведует им Евдокия Гавриловна Репицкая, её дом тут же, в следующем ряду, за заборчиком.

– Я уж вижу из окна: идёт с рюкзаком, значит по мою душу, – говорит Евдокия Гавриловна и начинает кого-то вызванивать по телефону. Она, можно сказать, главный человек в селе, председатель ТОС – товарищества общественного самоуправления, здесь созданного и представляющего собой, по сути, старинную сельскую общину, юридически оформленную. Она же руководит кимженским народным хором. Вопрос с моей ночёвкой решился быстро, Евдокия вызвонила женщину по имени Лидия Николаевна, одну из тех, кто принимает на постой, с приёмом гостей здесь всё налажено. Условия очень даже приемлемые, всего-навсего 300 рублей за одну ночёвку вместе с кормёжкой. Вообще, в селе сейчас делается что-то вроде туристического центра: уже стоит баня, строится гостевой дом. И это весьма кстати: с постройкой архангельской дороги (проходящей всего в полукилометре) потянется, видимо, сюда поток туристов, любителей северной старины. А Кимжа в этом плане самое интересное село на всей Мезени, и не только по своему пре-

восходно сохранившемся облику и постройкам, но и по всему здешнему укладу, людским характерам...

У меня здесь предполагается только одна ночёвка, завтра уже надо переправляться на правый берег и двигаться дальше. А сегодня мне хотелось просто походить по селу и окрестностям, посмотреть, что тут изменилось за три года, взглянуть на всё свежим взглядом, увидеть, быть может, то, что не увиделось тогда.

Собственно, в облике села за эти три года изменилось мало. Тот же величественный строй добротных старинных домов, та же пятиглавая деревянная церковь XVIII века мезенско-пинежского типа (шатёр с главой на крещатой бочке, четыре боковые главы по сторонам света на вытянутых барабанах), только что леса строительные появились, та же речка Кимжа с красным береговым откосом, те же две деревянные мельницы на полях, без крыльев. Одна из них вроде бы стала поаккуратнее, её недавно реставрировали голландцы. Осталось только приделать крылья. У меня сначала возник недоумённый вопрос: а почему голландцы? что, своих мастеров не нашлось? Потом, уже в Мезени, мне объяснили, что это, оказывается, большая премудрость, реставрация мельниц. Особенно крыльев: лопасти должны стоять под углом ровно в 12 с половиной градусов, ни больше, ни меньше. Иначе они просто не будут вращаться. Те мельницы, которые в Малых Корелах, якобы с крыльями, – это на самом деле бутафория, работать они не могут. Вторая кимженская мельница стоит, как и раньше, недостроенная. Собственно, она такой была всегда: строиться начинала в 1930-е годы и была, как и прочие, частной. А потом вышло постановление о запрете частной деятельности, и достроить её просто не дали. Сейчас есть идея всё-таки её доделать и устроить в ней что-то типа музея.

Ещё надо бы сходить к берегу Мезени, к переправе, разведать обстановку... А обстановка там весьма оживлённая, работают два парома, ещё два стоят у берега и ещё один или два на той стороне. Сменяют друг друга, работают даже по ночам: машины подходят постоянно. Паром, кроме средства переправы, ещё и самое удобное место для автостопа, и, как сейчас кажется, проблем с передвижением завтра быть не должно.

Неподалёку от переправы стоит знаменитый кимженский крест с резным Распятием. Тоже весь в буквах; на боковых и задней гранях столба двухбуквенные сочетания, с первого взгляда расшифровке не поддаются. Вероятно, сокращённый текст какой-то молитвы. Нижние буквы вообще нет возможности увидеть: они зажаты двумя столбами, обжимающими основание креста. Столбы эти поставлены, очевидно, вместо старого прогнившего основания, и крест, по всем признакам, изначально был выше.

Ещё резные кресты с буквенными сочетаниями стоят на кимженских полях – по одному и группами. Они либо поставлены кем-то по обету, либо это старые кладбища, захоронения. А иногда здесь хоронили прямо возле дома, где человек жил. И один такой крест-захоронение я здесь видел, он стоит прямо на придомовой огороженной территории. Такой же, как и остальные, высокий и резной, большая перекладина только отлетела. И есть здесь в Кимже ещё один крест с резным Распятием, он приводится и в книжке Мильчика, и московский батюшка отец Андрей Близнюк (который ездит на Мезень с православными миссиями) показывал его на фотографиях. Он его здесь обнаружил то ли в сарае у кого-то, то ли на повети, среди дров. Очень бы хотелось его увидеть, но кого ни спрашивал, никто про него не знает. Потом, в Мезени, мне объяснили, что он лежит в амбаре у магазина, вместе со старым колоколом.

Крест увидеть не удалось, зато в селе появилась изба-музей, куда надо непременно зайти. Музей ещё в процессе становления, но уже собрана экспозиция «Уголок избы», можно приобрести красочные буклеты про Кимжу, а на повети лежит недавнее приобретение – огромный резной крест с буквенной резьбой по всем сторонам, включая нижнюю грань большой перекладины.

Меня всё занимают расшифровки буквенных сочетаний, никто мне пока про них толком ничего не сказал. Утром надо будет зайти к Евдокии, с ней поговорить.

Да, есть у неё некоторые расшифровки. Есть даже достаточно редкие. Вот варианты (один только нюанс: с количеством букв не всегда точное совпадение): ВВВВ – возвращение вечное верным в рай; РРРР – реченному роду радости ради; ООКЦЕ – обретен от Бога крест царицею Еленою; ЧЧЕЧ – Честно чтущим Его человекам; СВВН – содержай вся Ви-сяй на древе; КККК – крест крепости Константину к вере; ЦБП – Царь Бог превечный; ОМО – оружие миру одоление; ММММКВ – много бо может моление матернее ко благодарению Владыки; ДПДНЯПЦВНП – днесь превелие древо нам явися, понеже Царь Вечный

на нем пригвоздился. Насчёт других расшифровок Евдокия Гавриловна порекомендовала обратиться в Мезени к Крючкову Сергею Геннадьевичу, дала его телефон. Он председатель Мезенского отделения Общества охраны памятников (ВООПиК) и депутат Областного собрания. Не помню такого по прошлому разу, хотя тогда я контактов таких не искал, ограничился посещением местного музея. Кстати, в мезенском музее теперь новый директор – племянница Евдокии Гавриловны, Люба Крупцова, Любовь Павловна, дочка её брата, Павла Гавриловича. Хорошо помню его по прошлому разу, он занимался моим обустройством (Евдокия была в отъезде). Очень колоритная личность, чувствуется вековая заплата, идущая, вероятно, из старообрядческих глубин (Кимжа раньше была старообрядческим селом). Сейчас его здесь нет, он на заработках, где-то в Коми, в геологической партии.

Прояснилась и ситуация насчёт кимженской церкви. По словам Евдокии Гавриловны, осенью прошлого, 2007 года на ней были проведены противоаварийные работы: поставлены леса, стянут входной дверной проём (он разъехался), и вход обнесён забором. Работала поморская плотницкая школа из Архангельска, церковь сейчас имеет статус памятника федерального значения, и по проекту её собираются раскатывать и заново собирать.

К переправе мне посоветовали выходить после обеда, как раз должны начать прибывать утренние машины из Архангельска (6 часов езды оттуда), я подошёл в начале 3-го. Примерно через час начали подъезжать машины, но уехать здесь, как выясняется, совсем не так просто, как казалось. Прибывают «буханки» и Фольксвагены-маршрутки, но они идут от Архангельска с полной загрузкой, свободных мест нет. Надеяться остаётся только на какой-нибудь попутный грузовик, но нет такого грузовика. Стою больше трёх часов, и никаких вариантов. Это уже начинает внушать беспокойство: времени 6-й час, когда я доберусь? как буду на ночь устраиваться? По пути ещё предстоит паром через Пёзу, а он работает только до 10 вечера. Всё, хватит, надоело. Переправляюсь так и иду пешком. Может, кто и подберёт по пути...

Правый берег, нижние деревни

От парома до основной дороги Мезень – Лешуконье 2 с половиной километра. Регулярно стоят километровые знаки, у выезда на основную дорогу указатели с прописанными расстояниями: до Мезени 39 километров, до Лешуконского 105, до Архангельска 343. Мне налево, в сторону Мезени.

В прошлый раз я целенаправленно ехал из Мезени в Кимжу и проскочил четыре нижние (по течению реки) деревни: Заакакурье, Лампожню, Заозерье и Тимощелье. Сейчас есть возможность все их посетить, первая на пути Заозерье (там, видимо, и заночевать), оттуда радиусом в Тимощелье.

Времени начало 7-го, есть два варианта: тупо стоять здесь на перекрёстке и ждать непонятно чего либо всё-таки идти. Выбираю второй вариант, он теплее. 16 километров до Заозерья так и так не дойду, но хоть какая-то иллюзия движения. К тому же скоро на дороге два отворота, на Бычье и на Усть-Пёзу, машины могут быть ещё и оттуда.

Как раз между этими отворотами пошла волна машин. Меня подобрал КамАЗ с Лешуконья, после чего была только одна задержка: полчаса ожидали в очереди переправу через Пёзу. Вода низкая, грузовики перевозят по одному.

Деревня Заозерье стоит неподалёку от основной дороги. Непосредственно перед поворотом в деревню стоит большой щит со строгой надписью такого примерно типа: «Внимание! Пограничная зона. Вход и въезд по пропускам». Это нововведение. Установили зимой. Это наше правительство несколько лет назад выпустило указ, согласно которому вся прибрежная полоса наших граничных морей на сколько-то километров считается погранзоной с особым режимом пребывания. В эту полосу попал, в частности, и город Мезень. И вот сейчас этот указ начал претворяться в жизнь. Я об этом узнал только в Архангельске, когда созванивался со своими людьми в Мезени. Пропуска у меня, естественно, никакого нет, уже поздно было что-либо предпринимать. Правда, как мне объяснили, кордонов на дорогах пока нет, да и в городе особо не шмонают. Но могут. Поэтому лучше лишний раз не светиться.

Однако в данный момент меня больше заботит нечто другое. Времени уже 9-й час, погода промозглая и противная, сейчас бы куда-нибудь в тёплый дом. Вопрос, в какой?

Деревня новая, незнакомая, на улице никого, все сидят по домам. Впрочем, есть одна идея. Лидия Николаевна, у которой я останавливался в Кимже, говорила, что здесь, в Заозерье, есть интернат для престарелых. А вот, похоже, и он. Длинное одноэтажное здание из бруса, явно общественного назначения. Такого варианта вписки у меня пока ещё не было, почему бы не попробовать?

Первая реакция была примерно такой: с местами туго, и вообще нужно разрешение директора. Её дом тут неподалёку, зовут Татьяна Николаевна.

Разбудил, поднял с постели. Кратко объяснил ситуацию. Татьяна Николаевна вникала. Там в одной комнате сейчас делают ремонт, можно туда со своим спальником. Позвонила, сделала распоряжение. Комната вполне подходящая, надо только как-то исхитриться заткнуть щели в окнах. А на кухне меня напоили чаем, с пельменями и оладьями. Немного отогрелся, и сразу стало веселее. Сейчас ночь перекачаться, завтра с утра сбежать до Тимощелья – и можно двигаться дальше.

С утра по-прежнему хмуро и дождливо. Деревня Заозерье стоит на высоком коренном берегу, из окна виден откос вниз, нижние плоские поля, река Мезень на отдалении. Сама деревня в одну улицу, метров 700 в длину, два порядка домов, смотрят друг на друга. Интересных среди них я не заметил, в основном все небольшие, переделанные. В верхнем (по течению) конце деревни стоит старая деревянная церковь. Поздняя, обшитая, стандартной конструкции (четверик, перекрытый на два ската, пятигранный алтарь, небольшая трапезная), завершение не сохранилось.

До Тимощелья 2 километра по старой дороге, вверх по течению. Идётся приятно, дорога хорошая и пустынная. Тимощелье – совсем небольшая деревушка в один порядок домов, непосредственно у реки, на возвышенном берегу. Хотя по большому счёту, деревни уже нет. Домики в основном современные, дачного типа. Старые её кое-где сохранились, но их считанные единицы. У деревни распространённая судьба: она была признана неперспективной, и в 70-е годы отсюда все съехали. Сейчас здесь живут только летом – дачники. Жалко деревню. Когда-то она славилась своим гончарным промыслом, в этом месте очень хорошая глина. Сохранились остатки старой мастерской. Была здесь и своя церковь, потом её разобрали и перевезли в Заакакурье...

Ну вот, собственно, и всё, можно возвращаться в Заозерье. Поблагодарить интернатских, подхватить рюкзак, и в дальнейший путь. К дороге? А вот «буханка» какая-то подъехала к интернату, это может быть интересно... Точно, минут через 20 поедет обратно в Мезень. Лучшего варианта нельзя и придумать.

Перед Мезенью осталось два пункта: Заакакурье и Лампожня. Относительно дороги и реки они стоят на одном уровне, Заакакурье поблизости от дороги, Лампожня на значительном отдалении, у реки. Схема очевидная: бросить рюкзак в Заакакурье и в Лампожню радиусом налегке.

Название деревни Заакакурье я знаю уже без малого четверть века. Это был далёкий 1985-й год, когда я ещё путешествовал с геологами (оформлялся рабочим). Тогда в Заакакурье базировалась моя 24-я геофизическая партия, с которой я ездил, как говорят геологи, «в поля» три предыдущих года. Я собирался с ними и в четвёртый раз – сюда, на Мезень, – и меня тут ждали, но подвёл начальник партии. Сначала пообещал взять, а потом принял на это место других людей. А мне отсюда писали письма... В то время в этой партии работал известный бард, автор песен под гитару, Владимир Туриянский, и именно здесь была написана замечательная проникновенная песня про этот удивительный «край бревенчатых церквей, где чёрные кресты прострелены дождями». И строчки её выплывают из памяти как связующее звено двух времён.

В архангельских лесах осенняя пора.
Желтеет лист берёз, краснеет гроздь рябины.
И в солнечных лучах волшебная игра,
Как будто строчкой слёз прошита паутина.

Сейчас пока не осень, но погода вполне соответствует. И в деревню эту я вхожу с особенным чувством...

Деревня поболее Заозерья, но тоже в одну улицу. Есть интересные дома, хотя основная масса как в Заозерье: небольшие и обшитые. Много домов с «вышками» (светёлками-мезонинами). А вот, пожалуй, самый примечательный: большой, в 8 окон на фасаде и с полукруглым балкончиком. На консоли дата – 1889 год. Правда, по словам местных жителей, внутри он сильно прогнил. Хозяева в Питере, и дом этот продаётся. Всего-навсего 20

тысяч рублей (для сравнения: в Москве один квадратный метр жилья стоит порядка 150 тысяч).

Заакакурье можно назвать деревней, относительно благополучной в экономическом плане: здесь осталось отделение совхоза, разводят коров. Таких деревень тут считанные единицы. По району ещё в Дорогорском имеется фермерское хозяйство, хозяин тоже держит коров (порядка 50 голов) и разводит лошадей, восстанавливает известную мезенскую породу.

Название Заакакурье означает «за курьей» (за протокой). Деревня возникла как выселки с Лампожни, здесь лампожане хоронили умерших. Место тут возвышенное, сухое, коренной берег; Лампожня наоборот – низкое и пойменное, и в половодье регулярно подтапливается. Вот и не хотели лампожане хоронить своих «в воду», выбрали сухое место за курьей, поставили часовню... Первоначальное название деревни – Никола. В мезенском краеведческом музее здесь числится деревянная церковь, но я её так и не нашёл. Всё присматривался к клубу, но потом мне объяснили, что он недавний, построен в 1979 году, а до этого клуб был в старой церкви.

Рюкзак я пристроил у одного мужичка по имени Фёдор. Он же мне подсказал ближний путь до Лампожни. По деревенской улице выйти на основную дорогу, немного по ней пойти, пересечь овраг, потом сразу же поворот направо, мимо бывшего селения с названием Бор (осталась пара домов), и дорога вырывается к бывшему маслозаводу. Дальше спуск вниз, пересечь вброд протоку и по дороге, через поля, километра 3.

Лампожня – самое древнее русское поселение на Мезени. Она упоминается ещё в исландских сагах X века. Здесь издревле происходили торги с иностранными купцами, известные мезенские ярмарки. Удобное место для причаливания судов, но пространство вокруг открытое, безлесное, пойменные луга, фактически это остров, отгороженный протокой, продувается всеми ветрами. По этой причине село Лампожня кроме наводнений особо подвержено ещё и пожарам. Последний большой пожар был здесь в 1929 году, выгорело почти всё село. Стояли в селе три деревянные церкви, не осталось ни одной, все сгорели. Уцелели только отдельные дома, но среди них есть достаточно интересные, большие и статные, есть даже с расписным подшивом свеса кровли над фронтоном. И ещё радует то, что значительное количество вновь отстроенных домов – хоть и сразу видно, что они новые (обтёсанные брёвна, рубка «в лапу»), – но сделаны на старый манер: такие же большие и основательные, те же пропорции, силуэты, так же расположены окна... А сейчас в селе хотят ставить часовню, собирают пожертвования.

Ну вот, по времени, кажется, укладываюсь. До Заакакурья хода час с небольшим, в пять я уже был там. В Мезени мне сегодня надо появиться после шести: была договорённость, и меня ждут. Вариант сейчас один: рюкзак на плечи, и выходить на основную дорогу, светиться перед ментами и пограничниками. Светиться, впрочем, пришлось всего минут 10, после чего меня подобрал «Жигуль». Мезенское такси. Сейчас едет забирать ягодников-морошечников, должны подсесть по пути. Вот очередной взгорок, и появляется мобильная сеть «Мегафон». Цивилизация, однако! Только воспринимается это уже как что-то лишнее...

Мезень, три вечера и два дня

Городок Мезень я сейчас посещаю во второй раз. Моё предыдущее путешествие в этих краях оказалось богатым на «замысловатые сюжеты», в результате чего в городке у меня остались хорошие «зацепки». Жалко, не увижу в этот раз Николая Федотовича, он сейчас на Пёзе, в Сафоново, у матери, у неё круглая дата – 90 лет. А тот адрес, куда я в данный момент направляюсь, – это моя добрая знакомая по имени Лариса, неожиданно возникшая тогда, три года назад, на моём пути. Мы в тот раз очень душевно пообщались и потом периодически перезванивались. И встречи этой ждали мы оба, однако некоторое волнение по этому поводу всё же есть. Известно, что дважды в одну реку не войти; можно чего угодно желать на отдалении, а как пойдёт дело в реальности – заранее не предугадаешь. Это для меня все эти шатания-путешествия – отдых, развлечение, а у людей здесь обыденная жизнь, свои дела-заботы, проблемы. Знаю это по себе, когда кто-нибудь из моих иногородних друзей-приятелей приезжает в Москву. Кроме того, приходится учитывать один момент, можно это условно назвать заморочками маленького городка, когда каждый человек на виду, и пребывание мужчины в доме молодой женщины трак-

туется строго определённо. И ничего с этим не сделать, каждого не переубедишь... Но по-видаться-пообщаться в любом случае надо, это без вариантов. В гостиницу мне соваться нельзя однозначно, там на первом этаже погранслужба, и был прецедент, когда они устроили среди постояльцев шмон с проверкой документов и разрешений на пребывание в погранзоне. При отсутствии последних – штраф 500 рублей. Не столько жалко денег, сколько просто запахло.

Первоначально у меня здесь предполагалось две ночёвки. Но, видимо, надо будет остаться и на третью. Причина банальная: сегодня вторник, а в бане мужской день четверг. Съезжать, соответственно, в пятницу. Вопрос: что я буду делать эти два дня? Отдыхать надоест очень быстро, а в прошлый раз я здесь, в принципе, всё обошёл. Что можно ещё придумать? Сходить снова в музей, по-новому там на всё взглянуть, хотелось бы переснять старые фотографии с мезенскими храмами. Заглянуть и в действующий храм (единственный уцелевший из старых), в котором был ДК, посмотреть, что изменилось за три года. Если получится, можно попробовать дойти до реки, выйти на болота.

Погода по-прежнему, мягко говоря, теплом не балует. С утра на термометре 7 градусов. Сейчас для начала в музей, надо познакомиться с новым директором Любовью Павловой. И знакомство успешно состоялось, активная и контактная молодая женщина с деловой отцовской хваткой. Увидев в музее номер лешуконской «Звезды», не удержался, ткнул пальцем в свою публикацию. После чего общение пошло уже более конкретное, показали мне на компьютере сайт путешественника Владислава Кетова, и для меня это было открытием. Даже странно, что я о нём ничего не знал раньше, первый раз я про него услышал два месяца назад – от Николая Федотовича, по телефону. Владислав Кетов с 1991 года методично обходит по периметру – по береговым линиям – различные континенты Земли. На велосипеде или пешком. Иногда использует автожир (род вертолёта). Основная идея – экологические способы передвижения, с минимальным воздействием на окружающую природу (не повреждать, например, тундровый покров – мхи, ягель). Большинство континентов уже пройдено, на сайте в реальном времени показаны на картах линии его путей: Африка, Америка, Западная Европа. На очереди российская часть Евразии, Австралия. Тогда, два месяца назад, в начале июня, он, передвигаясь вдоль берегов Ледовитого океана, на некоторое время завис в Мезени: возникли какие-то проблемы то ли с трассой пути, то ли с погодными условиями.

Насчёт расшифровок букв на крестах Любовь Павловна опять же назвала имя Сергея Крючкова, только его сейчас в городе нет, они в Лампожне, должны вернуться к вечеру. Как появятся, обещала позвонить.

Фотографии мезенских церквей я переснял, лучше всего получилось с открытки из сувенирного набора, что касается действующей церкви, то там за три года изменилось крайне мало. Это, в общем-то, понятно и объяснимо: в таких отдалённых приходах всегда ощущается острая нехватка средств. Из нового появились церковные ворота, первый шаг к восстановлению ограды. Большие и красивые, из железных прутьев, с четырьмя каменными столбами. И крест установлен возле церкви, резной. Не столь высокий, как иные по деревням, но покрашен в красный цвет и оттого выглядит празднично.

Ближе к вечеру позвонила Любовь Павловна и сказала, что Крючковы вернулись и сами хотели бы со мной встретиться. Что ж, значит надо с ними созваниваться и идти. Это должно быть интересно.

Сергей Крючков и его жена Аня изначально не здешние, оба из Северодвинска. Сергей – врач в местной больнице (заодно депутат и всё остальное). Аня работает в Управлении культуры Мезенского района, специалист по туризму. Это как раз по моей части. Почему я про них ничего не знал в прошлый раз? У них дома обширная библиотека с множеством изданий по Северу – по истории, культуре, этнографии. Расшифровки надписей на крестах тоже имеются, но не все. Что означает, например, ППГГ (как вариант – ПГПГ), так и остаётся невыясненным. Зато есть некоторые новые варианты известных сочетаний: ВВВВ – велие веселие в Него верующим, СССС – Словом спасет Сего славящих, ЦЦЦЦ – Царский цвет церкви цветит. А ещё в начале июня ездили они с Николаем Федотовичем в экспедицию по Пёзе, показывали на компьютере фотографии. Интересно было по-новому взглянуть на знакомые места. Я, оказывается, тогда кое-что, не зная, проскочил, не увидел. В Усть-Пёзе, например, есть четыре старинных креста: один за деревней и три на кладбище, не видел ни одного. Калиновские кресты я видел (их перенесли из деревни на кладбище), но подумал, что это обычные, могильные (хотя от остальных они за-

метно отличаются). Вообще, есть ряд интересных моментов, связанных с пёзскими крестами. В Ёлкино, например, поставили крест у берега, чтобы остановить его размыв. И размыв после этого прекратился. Крест «в улице» (на дороге из Ёлкино в Сафоново) поставлен тоже по конкретному поводу. В том месте сильно досаждал медведь: драл ёлкинский скот, невозможно было пройти из одной деревни в другую. Поставили крест, и медведь отстал. А в Вирюге в 60-е годы крест спилили, и деревня захирела (объявлена неперспективной, и люди оттуда съехали). И наоборот: деревни Ёлкино и Лобан по всем параметрам тоже попадают в категорию «неперспективных», но в них стоят кресты, и жизнь там хоть и слабо, но теплится, деревни живут.

Вот как, оказывается, бывает полезно публиковаться в местных газетах. Вот, довелось познакомиться с Сергеем и Аней. Люди они молодые, активные, энергичные и вселяют некоторую надежду относительно будущего отдалённых сих краёв. Кстати, с постройкой дороги на Архангельск открывается некая перспектива развития туризма на Мезени. Сейчас в связи с предполагаемой постройкой второй дороги, с Пинеги на Вашку, есть идея замкнуть туристическое кольцо Пинега–Мезень–Вашка. Хотя потом мне довелось услышать и другую версию: что будто бы архангельскую дорогу достроили исключительно потому, что она нужна нефтяникам (у них имеются некоторые виды на этот регион), а больше Мезень никому не нужна. Как в действительности дело обстоит – неизвестно. Какие-то подводные течения здесь наверняка были. Главное – что возобладает в конечном итоге. И хотелось бы, чтобы в этом плане что-то зависело и от людей на местах...

В какой-то момент Сергею позвонили по телефону, и весть о моём пребывании в городе пошла дальше. Ну вот, меня уже назавтра ждут в редакции местной районной газеты «Север». Если ждут, значит надо заглянуть. А то получается дисбаланс: у лешуконских был, а у мезенских нет.

Заглянул к ним на следующий день, познакомился. Рассказал о себе и о своём способе одиночных путешествий, поделился впечатлениями. Дело это для меня уже привычное. Вот и ещё одна связующая ниточка появилась, это хорошо...

Впереди у меня ещё целых полдня. Из обязательных действий осталось только посещение бани. Куда бы ещё здесь сходить? Один вариант подсказала Аня Крючкова, встретила меня на пути. Вернее, напомнила: я в прошлый раз тут так и не заснял самый старый дом в Мезени, дом Личугиных, 1829 года постройки. Стоит на набережной, длинный и двухэтажный, переходный тип от сельского к городскому. Внешне выглядит как сельский, но внутри городская планировка, отдельные комнаты на обоих этажах. Фасад у него уже заметно обветшал и, кроме того, сильно зарос деревьями, снимать довольно сложно. Надо как-то попытаться исхитриться...

Сначала я ещё хотел дойти до реки, она от города довольно далеко, километрах в двух (непосредственно подходит только отдалённая протока, в давние времена бывшая основным руслом). Но идти на такое расстояние сейчас совершенно не хочется, находился уже здесь вдоволь. Вот до болот дойти можно, они тут совсем близко, прямо за крайним рядом домов и небольшой полоской сухой земли. Удивительная вещь: всего несколько десятков метров, и попадаешь будто бы в другой мир, мир первозданной природы...

Ну вот, собственно, и всё, завершается первая часть моего путешествия, мезенская. Сегодня 7 августа, завтра надо начинать двигаться в сторону Пинеги – по той самой новой архангельской дороге. Перевозчиков много, повсюду их объявления: на дверях магазинов, в местной газете. Возят на «буханках», «Газелях», «Фольксвагенах»-микроавтобусах. Надо звонить по мобильному, заказывать место. Кажется, выбирай себе любого, однако на самом деле не всё так просто. Они идут день до города, день оттуда, и так получается, что завтра основная масса машин идёт в обратном направлении: из Архангельска сюда. Наконец вроде бы нашёл подходящую машину, договорился. Однако часов в 9 вечера выяснилось, что пассажиров всего трое, и ради трёх человек водитель просто не поедет. Они все частники, хотят – едут, не хотят – не едут. А мне в такой ситуации остаётся только одно: лихорадочно обзванивать оставшиеся телефоны. И вариант был найден, завтра к 8 утра надо будет выйти с рюкзаком на основную улицу. Соответственно, спать в эту ночь придётся совсем немного. Как я и предполагал, засиделись с Ларисой на кухне сегодня гораздо дольше обычного, часов до трёх. Всё правильно, вечер перед расставанием... Как там было у Штирлица? Запоминается последняя фраза? Требуется, стало быть, приложить в этом плане некоторое усилие...

Дорога на Пинегу. Совполье и Кулой

Моя «буханка» подошла в условленное место без пяти восемь. У перевозчиков здесь полный сервис: они за каждым пассажиром заезжают персонально. Сначала мы колесили по городу, собирали пассажиров, затем заезжали в Дорогорское и в Жердь – на всё ушло часа полтора. У переправы через Мезень были только в половине 10-го. Полчаса на переправу, затем небольшой перегон и ещё один паром, через речку Кимжу. Она небольшая, метров 30-40 в ширину, раньше тут был понтонный мост, но он потонул, раздолбали его тяжеловесные грузовики. После Кимжи дорога некоторое время идёт по лесу, но вскоре лес становится сырým, болотистым, а потом и вообще заканчивается, и начинаются обширнейшие болота, ровная гладь на многие километры, и с правой, и с левой стороны. Но ходить там можно, ягодники пасутся. Сама дорога довольно хорошая, машина идёт быстро. Хотя в некоторых местах её ещё доделывают – подсыпают, подравнивают.

На пути к Пинеге есть два селения – Совполье и Кулой. Я сейчас еду до Совполья, по словам Сергея Крючкова в нём однозначно стоит остановиться. Это три деревни: собственно Совполье, Чижгора и Соколово, там есть две часовни, кресты, и вообще место красивое. Кулой – тоже интересная деревня, но туда по обстоятельствам, она на значительном отдалении от дороги.

От переправы через Кимжу до Совполья езды минут 40. Вот болота заканчиваются, снова начинается лес, вот пошёл спуск к мосту через речку Немнюгу, левая отворотка с указателем «Совполье», ещё чуть-чуть вперёд, и мы останавливаемся непосредственно перед речкой, у небольшого домика. Это придорожная столовая – буфет, как её здесь называют, традиционное место для остановки в пути. Мне здесь выходить.

А «буханку» нашу встречают. Седой пожилой человек на чёрном джипе. То ли посылку передаёт, то ли, наоборот, принимает. Я ещё не успел и сориентироваться, он ко мне с вопросом: «Вам в Совполье? Ну садитесь, подвезу». Пешком здесь далековато, километра три. Познакомились уже по пути. Человека зовут Александр, он местный лесничий. Узнав, что конкретно меня интересует, первым делом повёз меня к основному совпольскому кресту. Он стоит неподалёку от деревни, которая собственно Совполье, у берегового склона к речке Немнюге. По виду недавний, высотой порядка двух с половиной метров, на большой перекладине проглядывают какие-то буквы. Из перекладин, собственно, осталась только она одна, остальные отлетели.

Деревня Совполье, давшая название селу, расположена компактно, на полях, в одну небольшую улицу. Смотрится приятно, большие старинные дома, амбары. Часовню, о которой говорил Сергей, нашли не сразу. Она стоит на территории одного из домов, выглядит как небольшой амбарчик-будочка. Используется тоже как амбар.

Центр села находится в соседней деревне Чижгоре, там сельсовет, почта. Александр подвёз меня прямо к сельсовету. Мне надо там бросить рюкзак и сходит до другой, Трифоновской часовни. Она находится на отдалении от села, и вот как раз сейчас в ту сторону собираются идти ребята на рыбалку, они меня и доведут.

Путь на самом деле не такой уж дальний. Пройти насквозь всю Чижгору, перейти низинку, дальше на холме деревня Соколово, а в низинке у дороги стоят три креста. Стоят по росту: большой, поменьше и ещё меньше. Самый большой в высоту метра два, он под кровлей и с резными причелинами, а от двух других остались только столбы, все перекладины отлетели начисто. Одеяния, тем не менее, есть на всех трёх, в традиционной манере. Рядом стоит столик со скамеечкой.

После соколовского холма можно пройти по дороге через лес, но в нём сейчас очень много комаров, поэтому идём опушкой, вдоль Немнюги. И вскоре открывается по берегу большое пространство, там раньше стояли ещё две деревни – Конещелье и Верхний Конец. Сейчас от них осталось три-четыре строения, и ближайшее из них – это та самая Трифоновская часовня в Конещелье. Определяется по стоящему наверху столбу от креста. Приземистое здание на склоне к реке метров 9 в длину и 5 в ширину, перекрытое на четыре ската. На двери замок, войти нельзя. Только обойти со всех сторон и снять с какой-нибудь точки.

Обратно можно пройти не спеша, более тщательно осмотреть Соколово и Чижгору и просто здешние природные места... А мне здесь определённо нравится. Симпатичные деревни с добротными старинными домами, встречаются кое-где интересные детали: резные наличники, причелины с «полотенцами», и ещё нечто, что можно было бы назвать

«подобием балконов»: обшитый горизонтальный выступ под верхним окошком в светёлке. Некий промежуточный вариант между полноценным балконом и двумя выступающими консолями из фронтона. А место здесь действительно красивое. От Соколово к Чижгоре и Совполю Немнюга делает два крутых изгиба, образуя широкую луговую полосу, баньки сбегают к речке вниз по склону... Это уже не Мезень, нет здесь той шири, размаха, всё как-то более лирично. Не хочу сказать – хуже, лучше, просто *другое*. Другой строй, другое пространство. Просто после такого протяжённого участка по Мезени требуется некая внутренняя перестройка. Я уже немало лет путешествую по разным местам, есть с чем сравнивать, но удивительная вещь: ничего такого экстраординарного в совпольской природе вроде бы нет, а с чем сравнить, так и не нашлось. Но зацепило, и как-то по-особенному. Даже жаль, что я здесь вот так, быстрым наездом. Вот если было бы по Немнюге не одно Совполье, а сколь-либо протяжённая цепочка селений, с удовольствием составил бы маршрут и прошёл его. Здесь даже можно было бы просто пожить некоторое время, отдохнуть, пособирать грибы-ягоды. В Соколово, кстати, появился и вариант вписки. С мужичком там одним пообщался: заходи, говорит, если что, переночуешь, я сегодня суп грибной сварил. Однако у меня на сегодня другие планы, попробую всё-таки добраться до Кулоя. Расстояние от поворота с основной дороги по-прежнему точно неизвестно, назывались разные цифры, от 3 до 7 километров, это, в принципе, не так уж и много, дойду как-нибудь под рюкзаком.

Но это позже. А сейчас время уже давно обеденное, половина 3-го, надо попробовать воспользоваться местным придорожным буфетом. Лучше бы туда на попутке, но с попутками в этот раз туго, а пешком под рюкзаком минут 40-50. Погода, правда, сегодня немного развиднелась, потеплело, солнышко. Но тучи дождливые ходят.

Что ж, в буфете всё вполне прилично. Небольшое помещение, четыре столика, умывальник, можно нормально пообедать. Работает с восьми утра до часа ночи. Вот это то, чего мне всегда не хватало в таких путешествиях. Проблема полноценного питания – одна из доминирующих.

Придорожный буфет, кроме того, очень удобное место для автостопа. Договорился сразу, в сторону Пинеги идёт «буханка». И снова дорога, лес, потом протяжённый болотистый участок, гладь по обе стороны, снова лес. А иван-чай здесь уже цветёт в полную силу, сопровождает нас в две шеренги. Вот указатель границы районов, покидаем Мезенский, въезжаем в Пинежский, и дорога вдруг заметно меняет характер, становится другого оттенка, более песчаной, начинает петлять. Пошёл, видимо, её старый участок, сухие боровые места. И вот, наконец, правая отворотка на Кулой, и я высаживаюсь. От совпольского буфета ехали 45 минут.

Дорога на Кулой идёт сквозь боры, песок под ногами местами сильно рыхлый, скорость небольшая. Расстояние до деревни порядка 4 с половиной километров, добирался больше часа, подошёл к 6 часам.

Деревня Кулой стоит на одноимённой речке, протекающей с юга на север и впадающей в Мезенскую губу Белого моря по соседству с устьем Мезени. Сама деревня небольшая, несколько порядков домов, старинных, классических. Читаю на консолях даты, и они впечатляют: 1870-е годы! В стороне на небольшом возвышении стоит здание старой деревянной церкви. Состояние плачевное: стены ещё стоят, но крыша, вернее, оставшиеся её фрагменты, обветшали настолько, что их здесь присутствие лишь условное. Северный фасад выглядит несколько приличнее, сохранилась обшивка, некоторые оконные рамы. Церковка поздняя, но формы не совсем обычной. Напоминает что-то готическое: боковые стены основного четверика, а также западного притворчика (вероятно, подкололенного) имеют возвышенное треугольное завершение с прямым углом в вершине. И окна в основном четверике повторяют эту форму.

Есть здесь и ещё кое-что интересное. В этой деревне раньше добывали соль, были соляные варницы. И до сих пор остался соляной источник: из земли торчит будто бы высокий пенёк и из него бьёт интенсивная солёная струя, стекает в озерцо с бурными от соли берегами. Но если подойти ближе и взглядеться в этот пенёк, то становится видно, что он представляет собой на самом деле деревянную трубу, внутри которой находятся ещё две, одна в одной. Это специальная деревянная матица для добывания рассола из-под земли. Рассол на вкус сильно солёный, обладает, говорят, целебными свойствами, помогает заживлять раны. Надо бы набрать в бутылочку, привезти с собой в Москву.

Деревня Кулой – это ещё и перевалочный пункт, стыковка сухопутного и водного путей. Река Кулой неширокая, но достаточно глубокая, спокойная и потому судоходная. Здесь перегружаются с машин на катера и баржи и развозят грузы по селениям, куда нет сухопутных дорог. Преимущественно вдоль беломорского побережья. Когда не было дороги до Мезени, ходили ещё и в Мезень. Причал у края деревни, старая баржа в роли дебаркадера. Стоят три кораблика, на двух из них копошатся люди, что-то делают. Неподаёку дом, во дворе которого целое скопище машин, самых разных. Как здесь говорят, автобаза «У Егора». Всё очень просто: те, кто пересаживается на водный транспорт, оставляют у него свои машины до возвращения, за некоторую плату. Ещё один дом у причала (по-видимому, нежилой) облюбовала местная молодёжь, девчонки-подростки. Тусуются там, играют, музыку слушают, флаг вывесили, ещё советский, РСФСР – красный с голубой вертикальной полосой у древка.

Здесь у меня должна быть ночёвка. Надо что-то делать в этом плане. Народ тут, как я успел заметить, не слишком контактный, надежда на вписку в доме небольшая. По всей видимости, основная масса – дачники, постоянные жители, если и есть, то их очень мало. Чувствуется мне, однако, что здесь будет какой-то нестандартный вариант.

Тем не менее, пообщаться с кем-то из местных надо. Узнать что-нибудь про деревню, про здешние места, хотя бы как называлась церковь. Самые здесь контактные – это те самые девчонки-подростки, которые вывесили флаг. Они и посоветовали мне поговорить с одним местным дедом.

Деда зовут Василий, он 1934 года рождения. Посидели с ним на лавочке у дома, общались. Рассказал он мне кое-что. Как я и предполагал, народ сюда приезжает в основном на лето, постоянно живут только четыре человека. Церковь разграбили перед войной, устроили в ней лазарет для эстонцев, литовцев, которые ещё в то время тянули здесь дорогу от Пинеги на Мезень. Так что история у той дороги, по которой я сегодня ехал, уже довольно давняя. После лазарета в церкви был колхозный склад. По округе раньше стояло несколько лагерей: был один в Красном Боре (посёлок, километров 15 выше по течению), ещё один у речки Олмы. На зиму сюда приходят ненцы-кочевники со своими стадами оленей. А ледохода по Кулою по весне не бывает: в нём известковая вода, и лёд пропадает сам по себе. Что касается названия церкви, то его удалось узнать только потом, в пинежском музее: церковь Рождества Богородицы 1868 года постройки.

Вопрос с ночёвкой, однако, по-прежнему висит. Уж если искать нестандартный вариант, то он очевиден: попробовать договориться с корабельщиками. Как мне думается, они народ хороший.

Договориться удалось не сразу. Пришлось некоторое время потусоваться с ними, помозолить глаза. У них тут, оказывается, вот какая вышла история. Один из этих двух корабликов-катеров шёл с грузом в Несь, отошёл от Кулоя на 45 километров – и сломался двигатель. Пришлось вызывать из Мезени второй катер, который отбуксировал его обратно в Кулой, ремонтироваться. Ремонт они уже заканчивают и завтра собираются снова выходить в Несь. Капитан первого катера – Паша, обрусевший грузин. Второй катер называется «Надежда», капитан Николай. У Паши большая команда, спальных мест свободных нет. У Николая с местами проще, и, в конце концов, оставил он меня у себя на «Надежде». Их всего трое: кроме него механик Андрей и ещё один мужичок по имени Александр, вроде как пассажир. Он у них на подхвате – картошку, например, почистить. Сейчас мужики набрали грибов, собираются жарить.

Тёплый кубрик, мягкая койка – что ещё надо, чтобы отоспаться после вчерашних ночных посиделок? А выбежишь если наружу – там вообще идиллия: закатное чистое небо пастельного тона, костёр на берегу в сумерках, девчонки сидят у костра, те самые, на соседнем катере мужики ещё ковыряются в своей механике, доносится их лёгкий матерок... Вот только долго наслаждаться этой картиной не приходится, потому как небо прояснилось и стало очень холодно. Впрочем, такие моменты – это на самом деле лишь моменты, мгновения, потом всё куда-то ускользает... Но это мгновения стоят очень многого...

Напрасно я думал, что мне здесь сразу удастся отоспаться. Только заснул – толкают в бок: вставай ужинать, грибы готовы. Времени первый час ночи. Потом ещё до трёх часов сидели за столом, Николай байки травил. Он, оказывается, сам с Пёзы, с Калино, где я ходил три года назад, и, естественно, сразу же нашлось множество общих знакомых. Вот и начали всех вспоминать: Георгия, который вёз меня на лодке от Мосеево до Лобана,

председателя Василия Петровича, забавные всякие истории. Николай оказался человеком весьма разговорчивым. Вспомнили и ненцев, которые стада свои гоняют. Как гонят через Мезень – это там называется «гуманитарная помощь»: отстреливают этих оленей только так. И концов потом никаких не найдёшь... Анекдоты потом пошли, один мне особенно понравился, не могу его не воспроизвести.

Грузовик идёт зимой через тундру, везёт чукчам водку. Вдруг мотор заглох, машина встала, ни туда, ни сюда. Водитель выскакивает, открывает капот, ковыряется, возится, пыхтит – ничего сделать не может. Мороз под 40 градусов, до ближайшего селения километров 200. Мимо чукча идёт на лыжах:

– Дай две бутылки, два слова скажу, машина поедет.

– Да пошёл ты, не до тебя!

Снова пыхтит, ковыряется – никакого результата. Что делать?

– Ладно, шут с тобой, вот тебе две бутылки, говори свои два слова.

– Трактор надо...

Вот такая у меня здесь получилась интересная ночёвка. Необычная и душевная. Пожалуй, самый яркий момент на всём протяжении пути...

И наутро ситуация сложилась для меня благоприятным образом. Паша и ещё несколько человек из его команды собрались на машине в магазин в посёлок Тайга. И есть для меня свободное место. Тайга – это как раз на пути к Пинеге, и уже в непосредственной от неё близости. От отворотки, где меня высадили, до первой пинежской деревни Кулогоры остаётся, судя по карте, всего 4 с половиной километра.

Пинега, река и посёлок

День первый. Прибытие, музей, купеческая старина

Эти километры можно уже и пешком дойти. Впрочем, если будет автостоп, не откажусь. Автостоп (легковушка) возник через полчаса, километра за два до Кулогоры. Подъехали туда в начале первого, и поскольку эта деревня стоит на пути, надо бы в ней остановиться.

Ну вот и доехал я до Пинеги-нижней. Природа здесь уже несколько другая, известковые выходы появились на склонах. Деревня Кулогора вытянулась длинной линией-дугой на высоком береговом холме по обе стороны дороги, общая её протяжённость километра полтора. Одна её оконечность стоит непосредственно на Пинеге, другая ориентирована вдоль Кулойского канала, соединяющего Пинегу с Кулоем. Пинега у деревни разделяется на два рукава с перемычками между ними, образуя обширные луговые острова, и начинает плавно заворачивать влево. И за этим изгибом, километрах в четырёх, виднеется большое селение, растянутое вдоль реки по этому берегу. Это посёлок Пинега, где я намереваюсь застолбиться дней на несколько и совершать уже оттуда радиальные выходы.

В самой Кулогоре ничего особо примечательного я не увидел. Старые дома классического облика есть, но они не являют собой цельной картины, поскольку разбавлены обшитыми, покрашенными, современными. От Кулогоры дорога резко спускается с холма вниз и идёт дальше по низкой ровной долине. И вскоре пересекает тот самый Кулойский канал. Реки Пинега и Кулой в этом месте очень близко подходят друг к другу, с низменной перемычкой между ними, и в 1928 году через их водораздел был построен этот канал длиной 6 километров. Изначально он предназначался для прохода судов, однако давно уже по этому назначению не используется и сейчас сильно обмелел. На своём начальном участке перед мостом он представляет собой просто несколько отдельных лужиц. О судоводных временах напоминают только две старые баржи, лежащие в этих лужицах. Впрочем, по другую сторону моста вода какая-то в нём есть, байдарочники там ходят.

От канала до посёлка остаётся километра 3-4, дорога идёт сквозь низинные поля. Пытаюсь по ходу стопить попутки, никто не останавливается. Вот уже и стопить смысла нет, потому как остаётся совсем немного, – и машина тормозит сама. Иномарка. Довезла меня прямо до центра посёлка, до придорожной столовой. Как раз обеденное время, начало 3-го. Какой, однако, сервис пошёл на Трассе! Мне нравится.

Нюансы местной гостиничной вписки мне очень хорошо объяснил в Кулое Паша-капитан. Обычной поселковой гостиницы здесь нет. Но есть ведомственная, от ООО «Пинежьелес». Никаких опознавательных знаков на ней нет, про неё надо знать. От столовой по поперечной улочке вниз к реке, и там в конце деревянный двухэтажный дом с балконами, на манер корпуса какого-нибудь дома отдыха. А администрация находится в дру-

гом месте, в самой конторе «Пинежьелес» – по той же улочке в центре трёхэтажное кирпичное здание, обращаться на вахту.

Всё верно, так оно и есть. Гостиница, по идее, устроена для своих командировочных, но, видимо, при наличии свободных мест туда пускают всех. И цена относительно приемлемая. Компактный трёхместный номерок, и я в нём один. Мне тут надо застолбиться на две или три ночёвки, в зависимости от того, как ходят автобусы на Архангельск. Здесь неподалёку находится Красногорский монастырь, до него надо будет обязательно добираться. И вообще походить по окрестным селениям, посмотреть, что там есть интересно. Докуда смогу дойти. Направлений два: вверх по течению Пинеги и вниз по течению.

А сегодняшней вечер у меня на сам посёлок, он тоже заслуживает внимания. Это историческое селение, первый раз упоминается в 1137 году (раньше Москвы!) в уставной грамоте новгородского князя Святослава Ольговича. Старинное его название – Волок Пинежский (здесь перетаскивали суда с Пинеги на Кулой), а в 1780 году по указу Екатерины он получил статус города с названием Пинега. И от этого старинного городка тут много чего сохранилось. Первая улица, параллельная основной проезжей, раньше видимо, была центральной. Сейчас она называется Первомайская, старое название – Троицкий проспект. Сохранились старинные каменные одно- и двухэтажные дома, особнячки, небольшой торговый ряд. Ставни на окнах и на дверях, художественно оформленные раструбы водостоков. Их не так много, но все они составляют цельный фрагмент провинциальной старины, дошедшей до наших дней.

В одном из этих старинных домов на втором этаже расположен местный музей, его мне рекомендовали обязательно посетить. Надо бы это сделать прямо сейчас.

Как я успел! Музей работает до пяти, сейчас четыре. И завтра выходной... А музей действительно вполне приличный. Достаточно обширная экспозиция для посёлка такой величины. И помещение прямо под стать: старые интерьеры, массивные двери, высокие потолки. На лестничной площадке вывешена огромная красочная картина с зимним видом Артемиева Веркольского монастыря (тоже на Пинеге, только выше по течению). Ещё до разорения: собор с полным завершением, ограда с башнями и надвратным храмом. Был там два года назад, интересно было сопоставить... Книжки хорошие продаются про здешние места, больше всех понравилась книга Г. А. Даниловой «Пинега», не мог её не приобрести.

Ещё я хотел узнать у музейщиков, где по округе сохранились старые церкви, часовни. К сожалению, специалист по храмовым сооружениям сейчас в отпуске, и сведения удалось собрать, скорей всего, далеко не полные. Если идти вниз по течению, то деревянная часовня есть в Чушеле (Петрово), в Сояле каменная церковь начала XX века, рядом стояла деревянная, сильно разрушенная, осталось ли что от неё сейчас, неизвестно. Если идти вверх – деревянная церковь Георгия Победоносца в Пильегорах, и ещё мне назвали несколько мест под вопросом, это уже сильно выше, радиусом из посёлка труднодостижимо: часовни в Кочмогоре, Печгоре, Марьино, Березнике. В самой Пинеге в центре стоял большой каменный Свято-Троицкий пятиглавый собор 1817 года постройки с отдельно стоящей колокольней и деревянная приземистая Благовещенская церковь 1700 года с одной главой на четырёхгранном шатёрике. Ничего не сохранилось, всё утрачено. Сейчас сюда перевезли деревянную церковь из деревни Вижево и собираются её ставить на месте собора. Три-четыре нижних венца уже выставлены, но дело идёт не без проблем, и в настоящий момент процесс застопорился.

А каменные здания в центре посёлка – это дома известных здесь купцов Володиных. Их деятельность охватывает период с середины XIX века до 1918 года. Кроме занятия торговлей они выстроили здесь трёххрамный лесозавод и осуществляли пассажирские перевозки пароходами по Пинеге, Двине, Кулою и другим северным рекам. Занимались и благотворительностью.

В Пинеге, в ссылке, жили некоторые известные люди: писатель А. Серафимович (1888-1890 годы), красный маршал К. Е. Ворошилов (конец 1900-х, сбежал, за что был выслан дальше, на Мезень, в село Юрома), писатель А. Грин (1910-1911).

Время, однако, близится к пяти, музею надо закрываться. У меня впереди весь вечер на более конкретное (после посещения музея) знакомство с посёлком. Посёлок вытянут на 3 километра вдоль реки, но старая часть небольшая. Надо обязательно дойти до каменного двухэтажного здания старой школы с островерхим завершением центральной части и кокошниками на фронте. Осмотреть старинные деревянные дома, двухэтажные, вы-

полненные на городской манер. Они все обшитые, и облик их аскетичен, без изяществ, стоят с молчаливой основательностью... Вот только погода для прогулок не совсем удачная: снова всё небо затянуло, дождит, и холодный ветер. Согревает только размашистая надпись на заборе, оставленная местной молодёжью-граффити:

ПОКОЛЕНИЕ НЕХТ ВЫБИРАЕТ РОДИНУ

Задаёт некие оптимистические мотивы...

Путешествие моё, между тем, близится к завершению, от Пинеги надо уже двигаться целенаправленно на Архангельск. Ситуация с транспортом здесь такая. Официальные автобусы ходят в понедельник, среду, пятницу и воскресенье, отправление в 6 утра. Есть ещё дневной автобус, тоже по каким-то дням. И есть маршрутки, их несколько, отправление с половины 6-го до 8 утра. Часов в 8 мне было бы наиболее удобно, ориентируюсь на маршрутку. Надо, как и в Мезени, звонить, договариваться, телефоны есть. Но это не сейчас, по итогам завтрашнего дня.

День второй. Красногорский монастырь, радиус вниз

...А в этой столовой на проезжей улице можно не только обедать, но ещё завтракать и ужинать. Работает с утра и до вечера. И здание приятное, выстроено в старинном стиле, под стать володинским домам. Силикатный кирпич только немного нарушает гармонию. Его бы отштукатурить, покрасить...

Сегодня у меня первым пунктом Красногорский Богородицкий монастырь. И поскольку это в направлении «вниз по течению», надо бы сегодня в этом направлении ещё куда-нибудь дойти, хотя бы до Чушелы и Соялы. До монастыря от южного края посёлка по основной дороге километров 12, потом отворотка вправо на гору. На чём буду добираться? Автобус здесь только архангельский, ушёл рано утром. Остаётся только автостоп. Стопить по всем правилам надо за краем посёлка, ждал минут 15, остановилась легковушка. По пути отворачивали ещё в Валдокурье, для меня это очень кстати, возможность взглянуть на деревню хотя бы из окна автомобиля... И вот мой перекрёсток: влево отворотка к реке, в деревню Малетино, а вправо пошёл полуторакилометровый подъём на Красную Гору, к монастырю... Высокая же эта гора, однако! Участки на дороге местами попадают очень даже крутые...

Всё, поднялся! Дорога резко выворачивает влево, огибая крутой овраг, даже не овраг – провал. И за оврагом уже стоит, возвышается над всей округой каменный монастырский собор с колокольней в честь Грузинской Божией Матери.

А состояние-то собора, надо сказать прямо, прискорбное. Остался, по сути, только остов здания – стены, без крыши, без полов. Восьмерик на четверике, алтарь, низкая трапезная. В местах наиболее защищённых от внешних воздействий, сохранились фрагменты росписи. Колокольня выглядит более прилично, стоит под временной кровлей. В книжке Мильчика имеется старая литография с видом монастыря, на которой видно, что храм был ярусного типа: на восьмерике стоял ещё один, маленький восьмерик, увенчанный одной главкой. Освящён собор в 1735 году. А колокольня (год постройки – 1802) завершалась высоким шпилем с крестом, и это была самая высокая точка на Красной Горе. Ещё здесь стоял деревянный храм Похвалы Богородицы и храм Всех Святых на вратах, оба утрачены. Была каменная ограда с башнями, разобрана на кирпич. Но сохранились два монастырских корпуса, настоятельский и общежительский, XIX века постройки. Сейчас они якобы отреставрированы (на современный лад: цокольный этаж, например, отделан в стиле пещеры-подземелья), и в них располагается турбаза-гостиница.

История Красногорского монастыря очень хорошо изложена в книге Г. А. Даниловой. В 1604 году священник из соседнего села Юролы Мирон перенёс сюда, на Чёрную (как её в то время называли) гору чудотворный образ Владимирской Богоматери, переданный ему кеврольским игуменом Варлаамом. (Варлааму перед тем было видение, в котором ему явилась «некая световидная жена» и повелела передать этот образ попу Мирону для перенесения его на Чёрную гору и устройства там монастыря). В 1606 году по челобитной Мирона Василий Шуйский даёт разрешение на основание монастыря. И монастырь начал строиться. В 1629 году купец Егор Лыткин жертвует обители чудотворный образ Грузинской Божией Матери. Монастырь постепенно рос и развивался, ему жаловали новые земли, денежные средства, предоставляли привилегии. Он имел свои подворья в Архангельске, Холмогорах, Пустозерске. После известных реформ патриарха Никона и церковного

раскола в Красногорский монастырь были сосланы некоторые из раскольников. При Петре I после дворцового переворота 1689 года в эти места был сослан московский князь Василий Васильевич Голицын, фаворит царевны Софьи Алексеевны. Князь любил бывать в Красногорском монастыре и завещал там себя похоронить. И в 1714 году он был похоронен у стены монастырского собора. Его могила была накрыта простым диким камнем, но три года назад на этом месте установили новую надгробную плиту.

Монастырь просуществовал до 1920 года. После его закрытия монастырские помещения принадлежали разным хозяевам. Здесь были совхоз, коммуна, дом отдыха, детский дом инвалидов и потом в течение долгого времени, до 1999 года, женский психоневрологический интернат. После 1999 года монастырь пустовал, и вот сейчас в нём устроена турбаза, и довольно активно функционирующая. На площади перед кельями-гостиницами стоит множество машин, больших туристических автобусов, многие с 78-ми питерскими номерами. Для туризма здесь, надо заметить, имеются все предпосылки, места тут заповедные, причём в прямом смысле этого слова. Большую территорию по этому берегу и вглубь от реки занимает Пинежский заповедник. Здесь уникальная природа (основная достопримечательность – карст, пещеры, скалы, провалы), красивая холмистая местность, большое количество редких и реликтовых растений, некоторые из которых занесены в Красную книгу.

Можно, кстати, частично воспользоваться услугами туркомплекса: посетить, например, здешний музей. Он расположен в старом длинном двухэтажном амбаре с галереей. Собраны предметы старого быта: кухонная утварь, кое-что из мебели, лодка, рыболовные снасти... Хорошее здесь место, надо бы сделать отсюда, с Красной Горки, хотя бы пару снимков. Эта точка самая высокая на всей Пинеге, с неё открываются широченные дали на десятки километров. Вот только погода снова подкачала. Опять холодно и пасмурно, и дождливая мгла застилает дальние пространства. Но заснять всё-таки надо, пусть хоть что-то останется. И себя на автоспуске со штатива. Главное – успеть, пока дождь не начался. Фотоаппарат цифровой, мочить нельзя – а вот уже начало капать... Суетиться плохо в любой ситуации: фотоаппарат от дождя я спас, а штатив, мою любимую струбцинку, открутить забыл, так она там и осталась, на Красной Горке...

Времени между тем уже 12 часов, можно спускаться вниз и двигаться дальше. Интересующие меня деревни, Чушела и Сояла, стоят по тому берегу, надо идти сейчас к реке, в Малетино и искать там переправу... А начинать её искать можно прямо на дороге. Вон впереди мужичок идёт с тяжёлой большой сумкой, не за реку ли направляется?.. Точно, туда.

А сейчас мне, кажется, предстоит немного экстрима. Лодочка маленькая, надувная, с низкими бортами. Двое помещаются, но на пределе возможностей. Надо сидеть очень низко и не шевелиться, пока мужик гребёт. Ветерок ещё поддувает, волнишка на середине реки. Черпанём, не черпанём? Опрокинемся, не опрокинемся?.. Ничего, такая встряска иногда полезна. Пробуждает дополнительные силы и интерес.

И вот я на левом берегу. В отличие от правого, лесистого-холмистого, он открытый и низкий. Прямо от реки деревня Петрово, слева от неё Чушела, справа километрах в трёх Юрола. Мне для начала налево.

А приятная часовенка в Чушеле. Небольшой четверичок с повалом, островерхая клинчатая кровля с полицами, такая же по величине (в плане) трапезная, завершение отсутствует. Раньше было ещё крыльцо, видны врубки. С южной и западной стороны отодрана обшивка, в часовне хранили цемент. Заснять её быстренько с двух сторон, и можно двигаться дальше.

Времени половина 2-го, сейчас мой курс на Соялу. Это далековато, километров 13-14 вниз по течению. Дорога от деревень заворачивает к реке и идёт вдоль берега по лугам. Стороной прохожу Юролу, она вдалеке, метрах в семистах, вижу фасады домов. Заходить туда я уже не стал: все деревни за этот раз мне так и так не обойти, а картина здесь везде примерно сходная. Жилые дома в основном небольших размеров, большие (классические северные) местами встречаются, но их немного. Существенно меньше, чем на Пинеге-верхней, где я путешествовал два года назад. Элементы украшений, примечательные детали конструкции – тоже редкость. Распространённая ситуация, когда к старой хозяйственной части пристраивается новый «перед», меньший по размерам, чем первоначальный. Что касается храмовых сооружений, то здесь, на нижней Пинеге, к сожалению, имеется серия утрат. Сгорела большая деревянная церковь в Вонге (деревня напротив Пине-

ги-посёлка, через остров), сгорели церкви в Валдокурье, в Юрале на холме стоял каменный храм – взорван. В Сояле непонятно, что с деревянной церковью, как минимум большие разрушения... Сколько, кстати, до неё осталось? По карте километров 7-8. Далеко ещё. А вон там сзади, кажется, тарыхтит что-то интересное. Трактор. В мою сторону. Тракторный автостоп – вещь несколько оригинальная, почему бы не попробовать? В кабине парень с девкой, едут как раз в Соялу, на день рождения. У них на тракторе сзади широкий угловатый ковш, и если его отклонить на соответствующий градус, одна из сторон этого угла становится горизонтальной площадкой, на которой можно сидеть. Там, на этой площадке я и ехал, задом наперёд. Главное – успевать амортизировать, когда подсаживаешься на рытвинах.

Вот это да! Ничего себе, картина! Только что прошёл дождик – и радуга, яркая-яркая, просто огненная! И совсем близко, шагах буквально в тридцати. И такая низкая, прямо у земли: с краёв угол к горизонтали всего градусов 20. Никогда раньше такого не видел. Жаль, заснять не получится при такой тряске...

А противоположный берег становится всё интереснее. Вот что-то ярко блеснуло оттуда на солнце, какая-то крыша. Дом какой-то совсем необычный, в деревнях такие не ставят. Это, похоже, турбаза Голубино, основной туристический центр Пинежского заповедника. Там неподалёку знаменитая пещера Голубинский Провал. А вот пошла высоченная скала по тому берегу, длинная-длинная, отликает розовым. И монастырь на Красной Горке виден постоянно, с любой точки.

Минут через 30 езды минуем две деревни, стоящие рядом, Окатово и Заозерье, ещё километра 2, и мы в Сояле. Деревня стоит непосредственно у реки, на береговом холме. Высаживаюсь у каменной церкви. Церквушка небольшая, аккуратненькая, из красного кирпича, но направляюсь я в первую очередь не к ней. Через овражек на соседнем холме стоит нечто гораздо более примечательное при всей своей разрухе. Остатки (нижняя часть) огромной деревянной церкви. Основной восьмерик, идущий прямо от земли, две пристройки – алтарь, с восточной стороны, и западный притвор, каждый из них с повалом и увенчан бочкой. И больше ничего не осталось. Восьмерик сверху полностью раскрыт, полов нет, а некоторые простенки под оконно-дверными проёмами выпилены на дрова. На северной и восточной сторонах частично сохранилась обшивка. Как следует из литературных источников, церковь была шатровой. Но даже и при отсутствии шатра – это классика формы. Век XVII-XVIII, судя по всему. Что с ней сейчас можно сделать, даже и не знаю. Может что и можно. Но в любом случае это будет очень недёшево. Вот кирпичную церковь восстановить гораздо проще: она вся под кровлей, сохранились даже оконные рамы.

Сама деревня стоит на хорошем возвышенном месте с широким обзором в обе стороны по реке. Пинега на этом участке шириной в среднем метров 500, но здесь место шире, с островами. На том берегу виднеются две деревни: ближайшая Першково – вверх по течению, справа наискосок, и с левой стороны на отдалении Каргомень. Мне бы уже надо куда-нибудь туда переправляться, выходить на дорогу и двигаться обратно, в сторону посёлка. Местные лодки стоят внизу у берега, можно, конечно, там сесть и пассивно ждать, когда кто-нибудь поплывёт, но это неконструктивная позиция. В данном случае более действенным был бы активный опрос местного населения. И в результате мне посоветовали обратиться в один дом, к Александру Попову.

Хозяин сейчас занят, а на лодке ребяташки плавают. Скоро должны вернуться и тогда перевезут. А пока их нет, хозяйка усадила меня за стол, налила чаю. Про деревянную церковь сказала, что, сколько она помнит (а она 1958 года рождения), церковь эта всегда стояла без завершения, без кровли. А в каменной был склад сельпо, поэтому она более-менее сохранилась. И ещё сказала одну интересную вещь: в деревне Каргомень, оказывается, тоже есть деревянная церковь. Других церквей-часовен, по словам хозяйки, в окрестных селениях нет.

Для меня это означает одно: переправляться мне сейчас надо не в Першково (куда обычно перевозят), а в Каргомень. Ребяташки действительно вскоре появились, перекинули меня туда. Церковь видна сразу от берега, стоит с края, поздняя, простенькая, обшитая: основной четверик, перекрытый на четыре ската (завершение не сохранилось), пятигранный алтарь, нижняя часть колокольни (до уровня яруса звона) – пристроена непосредственно к четверику, без трапезной. К северной стене вплотную подходит огороженная территория соседнего дома.

Основная дорога проходит здесь поблизости, автобусная остановка сделана в виде домика-избушки (настоящей, из круглых брёвен), а дальняя от реки сторона дороги – это уже территория заповедника, и там периодически выставлены на шестах таблички, о том возвещающие. Автобус на Пинегу здесь проходит часов в 6, сейчас половина 6-го.

Погода сегодня какая-то непонятная. То так, то сяк. После вчерашнего затяжного дождя ветер гонит по небу клочья хмари. Когда же, наконец, потеплеет? Только один нормальный день и был за всё путешествие – самый первый, лешуконский...

Что-то мне это не нравится. Половина 7-го, а автобуса нет. И на остановке никого. Будет ли он вообще? Сейчас припоминаю, видел вчера в посёлке на конечной остановке какое-то нехорошее объявление. Типа того, что 11 августа (завтра, то есть) автобуса на Архангельск не будет. А если завтра его не будет на Архангельск, то сегодня его, наверное, не должно быть из Архангельска. Если это тот же самый автобус... Короче, надо начинать стопить.

Застопилась «буханка», идёт на Красную Горку. Меня это устраивает, оттуда можно в крайнем случае и пешком дойти.

И вот пошли километры основной пинежской дороги. Она относительно недавняя, построена в 1991 году. И если посмотреть на карту, нельзя не заметить её несколько странный характер. От своего генерального направления она может вдруг резко вывернуть в сторону и начать активно петлять, уходя вглубь от реки, будто бы огибая какое-то большое препятствие. И по сути, так оно и есть. Строить проезжую дорогу в условиях карста – задача не из простых. И самые сложные участки она просто обходит, отсюда все эти многочисленные петляния, подъёмы-спуски.

А шофёр мне по пути прояснил факт присутствия здесь большого количества машин с питерскими номерами. Это, оказывается, киношники с Ленфильма, снимают фильм по рассказам Шукшина. Видимо, к юбилею – в следующем году ему 80. И в качестве природы выбрали нижнюю Пинегу. Я потом заметил, что в посёлке развешены объявления, приглашающие местное население для участия в массовках и с просьбой предоставить для съёмок бытовую и праздничную одежду 20-х–40-х годов (у кого она сохранилась).

А автобус всё-таки появился, нагнал меня вскоре после отворотки на Красную Горку. В посёлок подъехали в половине 8-го, успел даже в столовую на ужин. Итак, направление «вниз» сегодня отработано, побывал везде, где хотел, и с дальнейшими планами теперь всё ясно. Завтра направление «вверх» – до Пильегор и обратно, – и послезавтра утром надо отсюда съезжать. Пора звонить водителю маршрутки.

День третий. Радиус вверх

С утра в гостинице нет электричества. И не в одной гостинице, а массово по посёлку: было штормовое предупреждение. Уже второй день дует сильный ветер. Снова всё небо затянуло, совсем осенняя погода...

Радиус вверх от радиуса вниз отличается принципиально. Если вниз идёт проезжая дорога с хорошим движением, то в обратном направлении она вскоре отворачивает от Пинеги в сторону Мезени. Есть, впрочем, два водных варианта. Вариант первый: раза два в неделю от Пинежского потребительского общества ходит катер с продуктами до деревни Труфанова, мимо Пильегор. И вариант второй: в самих Пильегорах расположен детский лагерь от местной вспомогательной школы, и туда тоже регулярно возят катером продукты. По поводу этих вариантов пришлось немного побегать-посуетиться, однако в итоге выяснилось, что конкретно сегодня ни одного катера не будет. Остаётся одно: ноги в руки и вперёд.

До Кулогоры подкинули питерские киношники, у них сегодня там съёмка. А дальше начинается участок гораздо более глухой; до Пильегор километров 10, и они на другом берегу. Переправляться, судя по ситуации, надо прямо здесь, дальше такой возможности может не быть. Хотя и стоит напротив Пильегор некая деревушка Крылово, но она на карте какая-то совсем маленькая, и неизвестно, живёт ли там кто вообще.

Что-то я не совсем понимаю. Где все кулогорские лодки? Ни одной не видно у берега. Странно, должны же где-то быть. На чём буду переправляться? И спросить не у кого, народа ни души...

Появился, наконец, человек, посоветовал пройти дальше по берегу, до Шуломеня, там вроде как перевозят в деревню Холм.

Шуломень – это отсюда километра два с половиной. На карте подписано как «ур.» – урочище, бывшее селение. Сейчас там один жилой дом со злой собакой и ещё что-то непонятное, похожее на какие-то склады или бывшую паромную переправу. И у берега стоит много лодок. Эти что ли кулогорские? Впрочем, это уже не важно. Главное, есть шанс чего-то дожидаться.

Ждать пришлось совсем недолго. Перевозили с той стороны сюда, обратно взяли меня. И вот я уже на левом берегу, в деревне Холм.

Места стали глуше, а деревушки интереснее. На домах здесь встречаются изящные витые консоли, резные причелины, потоки с ребристыми гранями. Деревенька совсем небольшая, выбираться приходится, не зная дороги, по зарослям. Примерно через километр стоит ещё одна мелкая деревушка Заборье, и дальше дорога входит в лес и километра 4 идёт по лесу, до самых Пильегор.

А лес здесь не совсем обычный. Периодически встречаются ямы – широкие и глубокие впадины. Это карстовые провалы, и произошли они, судя по всему, уже давно: в них сейчас обычная растительность – трава, мхи, мелкие деревца.

По лесу хода около часа, после чего дорога выходит на открытое место, слегка пересечённое холмиками и ложбинками, а на отдалении показываются дома – деревня Пильегоры.

Деревенька эта покрупнее Холма и Заборья. Стоит несколько разбросано, в одном месте её прорезает глубокий овраг. В центре, в бывшей школе, устроен детский лагерь, ребятишки лагерные везде бегают. Оживлённая деревня, по сравнению с прочими, в некоторых домах живут круглый год (зимой, говорят, волки приходят, заглядывают в дома). Имеются некоторые интересные постройки. Вот, например, первый раз вижу на Пинеге дом «кошелем» (хозяйственная часть не сзади, а сбоку). Вот, на краю оврага стоят друг к дружке в ряд четыре маленьких симпатичных амбарчика. А вот, с другого края, ещё один, совсем приземистый, частично «вросший» в землю. Классический, с «нависающим» над входом фронтоном, а задняя его стена уходит прямо в обрыв. Ближе к береговому склону особняком стоит протяжённое обшитое досками одноэтажное сооружение под двускатной кровлей. Это церковь Георгия Победоносца, узнаю по музейной фотографии. Прямоугольная алтарная апсида, притворчик с западной стороны. Входная дверь заперта (чтобы не ходили овцы), но в одном из окон выставлена рама, и через это окно внутрь лезут ребятишки. Попробую-ка и я туда залезть. Внутри сохранились солея, амвон, старая обшивка. А снаружи неподалёку стоит вроде как амбар, только какой-то странной формы: восьмигранный объём, рубленный «в лапу», перекрытый на два ската... И надо же такое придумать! Ведь это храмовое завершение! Слов нет, одни эмоции...

Погода, кажется, наконец-то разгулялась. Появилось солнышко, облака активно разбегаются. Природные виды становятся всё красивее, пошли розовато-белые скалистые щели по возвышенным берегам. А места всё безлюднее. Пильегоры – исключение, подтверждающее правило: после них по этому берегу километров на 30 нет ни одного селения. По той стороне вверх по реке идёт некая цепочка деревушек, мелких и совсем мелких: напротив Пильегор Крылово, дальше на карте нарисованы Щелья, Алекаево, Вижево, Торума, среднее расстояние между соседними 4-5 километров. Кстати: успел уже снять у местного населения некую информацию: в Крылово есть деревянная часовня. Надо, стало быть, туда переправляться.

В лагере мне по поводу переправы посоветовали обратиться в один из близлежащих домов. Хозяин дома оказался человеком интеллигентного толка, разговорчивым и сказал мне между делом, что часовни есть ещё в Щелье и Вижево, а в Торуме стоит крест. Но до Вижево и Торумы я сегодня однозначно не дойду, до Щельи (4 с половиной километра) теоретически можно, но уже сложновато, только если будет транспортная оказия. Чем ближе к завершению маршрута, тем сильнее проявляется накопленная усталость...

На правый берег меня перекинули ребята, быстро и без проблем. Подход только к основному руслу здесь долгий, приходится огибать старицу, идти туда, потом обратно... А снизу вид открывается совершенно иной, чем от деревни. Вот они вблизи, пинежские щели. Не такие, как на Мезени. Там они огромные, встречаются высотой с 5-6-этажный дом, красного цвета, с выветренными вертикальными гребнями по склонам. Здесь щели существенно ниже, этажа в 2-3, преобладающий оттенок тёмно-розовый с белыми вкраплениями, прожилками (гипс, известняк), а вместо выветренных гребней цельные скальные глыбы, округлые столбы – естественные пилястры. Будто бы руины

старинных крепостных стен. Встречаются и целиком белые скалы; там, где мы причалили, подножие у воды всё сплошь состоит из белых камней. Живописный, должно быть, получился бы здесь водный туристический маршрут.

Подъём в деревню по овражку, из склонов которого будто бы вырастают мелкие будочки-сарайчики, на половину своего объёма (по диагонали) утопленные в землю. Сама деревня с того берега выглядит как несколько разрозненно стоящих строений заброшенного вида, на самом деле это не совсем так. Сохранились два небольших порядка домов, посреди стоит часовенка, возникает на пути внезапно и близко.

Ой, какая она миниатюрная! Будто игрушечная. Маленький четверичок под четырёхскатной крышей, и наверху сохранились остатки главки – несколько журавцов на барабанчике. С западной стороны притворчик, на нём устроена узенькая звонница на четырёх столбиках, перекрытая также на четыре ската с шеломчиками по граням. Все кровли деревянные, здание обшито досками, внутри обшивка тоже сохранилась, осталась даже одна полочка для икон.

В деревню эту приезжают только летом, сейчас здесь живут в двух домах. Один из них рядом с часовней, молодая женщина с сынишкой, они тут при бабушке с дедом. И ещё в одном доме живёт мужичок по имени Анатолий – вон стоит его УАЗик-«козёл» с раскрытыми дверями. У этого Анатолия я потом сидел в доме, пил чай. Интересный мужичок. У него тут своя электростанция (обычного электричества в деревне нет). Живёт здесь всё лето, собирает ягоды, грибы, огород у него. Иконы из часовни, говорит, увезли в Питер. Рассказал и про окрестные деревни. В них, как и в Крылово, если и живут, то только летом. В Щелье и Алекаево сейчас по одному человеку, в Вижево и Тороме никого, но иногда наезжают. До Вижево есть дорога и ходят машины – рыбачить туда ездят, на Торомские ямы. Задал ему вопрос про часовню в Щелье, сказал, что такую вообще не знает, не помнит... Всё-таки надо было его попытаться попросить свозить меня туда на своей машине. Однако усталость за время пути может накапливаться не только физическая, но и моральная...

Обратный путь долгий, но простой: всё время по дороге. Километра 2 она идёт вдоль берега, затем отворачивает в лес и вливается в основную – хорошую, твёрдую, укатанную. Час хода с небольшим, и вот в стороне у реки знакомый Шуломень, ещё через полчаса Кулогора – деревня на холме, а снизу зимник на райцентр Карпогоры: отходит от мезенской трассы, подходит к реке и продолжается уже по той стороне.

Понадеялся на автостоп, пошёл не через деревню, а в сторону, к мезенской дороге. Напрасно, только зря простоял. Подобрали меня только тогда, когда оставалось хода километра 3. Но узнав, что я сегодня пешком ходил до Пильегор и обратно, мужики даже изменили свой маршрут и подвезли прямо «с доставкой», к столовой. Вот только она уже закрыта, припозднился я сегодня, времени без малого 10. Сейчас в гостиницу, кипятить чайник и паковать вещи в дорогу. Договорённость с маршруткой есть, утром к половине 8-го надо выйти к конторе «Пинежьелес».

Двинской апофеоз, село Чухчерьма

По пути в Архангельск я хочу ещё заехать в одно место на Северной Двине. Это село Чухчерьма, где я надеюсь увидеть интересную Васильевскую деревянную церковь, упомянутую в ряде изданий, в частности, в известной книге А. В. Ополовникова «Сокровища Русского Севера». Добираться туда надо через посёлок Луковецкий, дорога на Архангельск проходит мимо.

...Не любят эти перевозчики брать до промежуточных пунктов. Определили меня на приставное место, скамеечка в проходе. Основная масса подседа в Голубино, группа с турбазы. Теперь полная загрузка и курс на Архангельск.

И снова замелькали километры моей позавчерашней дороги. Вот знакомый поворот на Каргомень с остановкой-избушкой, километров через 10 деревня Березник (нижний), через реку деревня Вешкома. После Березника дорога выходит к реке и идёт вдоль берега. Вот граница районов, заканчивается Пинежский, начинается Холмогорский, проходим деревни Гбач, Кузомень, Горка, Леуново, Петухово. Ничего особо примечательного из окна «буханки» в них не наблюдается, скорее наоборот – отпечаток близости проезжего пути. И вот наконец въезжаем в большое селение с названием Белогорский, узловой

пункт, придорожный буфет, остановка, перерыв на обед (или, вернее, на завтрак: времени нет ещё и десяти).

Белогорский – одно из самых нижних пинежских селений, через 25 километров Пинега впадает в Северную Двину. Отсюда начинается трасса на Архангельск, прямая и асфальтовая. До Луковецкого по пути нет ни одного селения. Дорогу эту, видимо, построили не так давно, на моей карте она не значится. И к Луковецкому она подошла не в том месте, где я ожидал. Поворот в посёлок перекрыт шлагбаумом, дальше машинам нельзя, технологическая дорога для перевозки леса. Но пешеходов пускают, до посёлка километра 2, через промзону. Вокруг постепенно становится всё оживлённее: появляются люди, начинают сновать машины, подходят новые дороги, и вот, наконец, железнодорожный переезд, ветка от Архангельска на Карпогоры. За переездом в посёлок налево, а направо к железнодорожной станции. По времени мне удобнее ориентироваться на поезд: сейчас 11 часов, до Чухчерьмы от края посёлка 6 километров (час хода в один конец плюс сколько-то по посёлку), и в 15-12 отсюда на Архангельск проходит пригородный из Сии (автобус тоже есть, но он позже, в 17 часов). Рюкзак, соответственно, удобнее всего оставить на железнодорожном вокзальчике. Приходится только при этом объяснять, что я не турист.

Луковецкий – посёлок вполне цивилизный, современный, кирпичные пятиэтажки. После всех моих километров по лесам, по рекам возникает даже какое-то неловкое ощущение... В посёлке стоит новенькая деревянная одноглавая церквушка во имя иконы «Скоропослушница», рядом ставят колокольню. Служить приезжает батюшка из Архангельска, от Антониева Сийского монастыря.

Дорога в Чухчерьму хорошая и широкая, вот только ездят по ней не так часто, с путками проблематично... Полное название села – Верхняя Чухчерьма. Представляет оно собой цепочку деревень, вытянутую на 3 километра на высоком берегу основного русла Северной Двины. Двина здесь красиво разливается на множество рукавов, открываются широчайшие просторы. А в центре села, у деревни Тарасово, стоит Васильевская деревянная церковь с отдельно стоящей колокольней.

Церковь эту мне уже один раз видеть доводилось. Было это, страшно даже представить, 17 лет назад, в 1991 году. Я тогда проплывал здесь на теплоходе «Михаил Ломоносов», перебираясь с одного объекта реставрации на другой. Это было плавание совершенно чудесное, можно даже сказать, судьбоносное, но основные события произошли несколько позже, а проплывая тогда мимо Чухчерьмы, я видел эту церковь с борта теплохода и даже заснял издали на фотоаппарат. А у дальней, верхней по течению окраины села видел я и вторую деревянную пару – церковь с колокольней, дотуда надо будет сегодня тоже обязательно пойти.

Облик Васильевской церкви мне хорошо знаком по фотографиям. У Ополовникова она отснята со всех сторон. Церковь клетского типа, с одной главой на вздымающейся вверх острым клином двускатной кровле с полицами. С запада (в сторону реки) вытянутая приземистая трапезная, меньший по высоте притвор, крыльцо на два всхода, и все эти объёмы в увязке друг с другом создают ритмичный нисходящий каскад. С восточной стороны пятигранная алтарная апсида, увенчанная своеобразной формы бочкой-«полуглавкой». Ополовников датирует эту церковь 1824 годом, однако есть и другая версия – XVII век.

Почему-то я считал, что её блюдут. Может быть, когда-то это и было, но сейчас картина открывается довольно печальная. Ободранная обшивка, временная рубероидная кровля, обветшавшая и прохудившаяся, объём притвора отошёл от трапезной, образовалась щель, от алтарной бочки одни остатки, крыльца не осталось вообще, внутри отсутствуют полы. Колокольня наоборот, выглядит вполне прилично, по всей видимости, недавно отреставрирована. Шатрового типа, высокий восьмерик, рубленный «в лапу», на низеньком (венцов 10) четверике, на ярусе звона арочные проёмы с «гирьками». Год постройки – 1783.

Времени до поезда остаётся не так много, надо успеть пойти и до второй пары. Сохранилась ли она вообще? Километр с небольшим по селу до верхней окраины. Попутно можно взглянуть и на местные жилые дома, сравнить их с мезенскими и пинежскими.

Такое впечатление, что чем дальше от Мезени и ближе к цивилизации, тем дома мельче. Может действительно, здесь, на Двине, традиционен именно такой, небольшой тип? Времени разбираться, однако, уже нет, вот край села, заканчивается улица, и — откры-

вается пустое пространство. Нет ни церкви, ни колокольни. Сгорели они, и, как выясняется, уже давно. Вскоре после того, как я их видел с теплохода, через год-другой. Сначала одна, потом вторая. Как жаль, что я их тогда не заснял... Церковь была по виду поздняя, помню только высокий четверик с просвечивающими насквозь оконными проёмами. Сейчас на месте, где она стояла, остался каменный фундамент и немного листов обгоревшего железа...

Ну вот и всё. Можно возвращаться. До поезда осталось два часа. Ещё не впритык, но надо поспешать. Не хочется только завершать своё путешествие на грустной ноте. Хотя если взглянуть на весь маршрут в целом, трезво и объективно, при чём здесь грустная нота? Уже часов через 6, в Архангельске, я вдохновенно рассказывал о том, как замечательно и душевно я сходил. И всё это было правдой, без притворства. Хотя вроде бы в пути ничего такого чересчур особенного не происходило, открытий каких-либо принципиально новых не было. Что же, открылся некий *второй план*? Во всяком случае, определённо ясно одно: желание путешествовать есть, и Север по-прежнему продолжает к себе тянуть.

А. С. П.

ноябрь 2008 – май 2009